

И. Бе́ляев

ЕФИМ ПАВЛОВИЧ СЛАВСКИЙ

Легендарный
министр Среднего
машиностроения
СССР

Москва 2013

И. Беляев

**ЕФИМ ПАВЛОВИЧ
СЛАВСКИЙ**

Легендарный министр Среднего машиностроения СССР

УДК 53+621.039(092)

ББК 53(09)Славский

Б43

Беляев И.А.

Б43 Ефим Павлович Славский. Легендарный министр Среднего машиностроения СССР. – М.: ИздАТ, 2013. – 112 с.

ISBN 978-5-86656-264-0

Беляев Игорь Аркадьевич, доктор технических наук, заслуженный строитель РФСР, почётный строитель Москвы, почётный строитель Московской области, Академик ЭИН рассказывает о встречах с министром Среднего машиностроения Ефиме Павловиче Славском и о былой мощи Министерства среднего машиностроения СССР, которое многие годы решало все самые сложные задачи в нашей стране, в том числе и сооружение объекта «Укрытие» при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Печатается в авторской редакции.

ISBN 978-5-86656-264-0

© И.А. Беляев, 2013

Писать о Ефиме Павловиче Славском очень тяжело. О нём много написано воспоминаний соотечественников, людей с которыми он работал, которыми руководил. Я решил подобрать материал, в основном состоящий из прямой речи министра о своем детстве, профессиональном росте, работе по становлению производства атомной бомбы лично с И.В. Курчатовым и работе в роли министра Среднего машиностроения. Подобрать личные воспоминания министра о своем становлении было проще, запись разговора у меня осталась, в которой Ефим Павлович описал свой путь от рождения, о своей семье, работе сначала на земле, а потом рабочим, о революции, гражданской войне. Он рассказал, как прошел путь от простого рабочего, окончившего горную академию, до одного из членов замечательной когорты И.В. Курчатова, который покорил, казалось бы, невозможную формулу физики атома, и не дал заокеанским «делопутам» развязать новую мировую бойню с целью смести Советский Союз с карты земли. А далее почти 30 лет работы министром. За время работы он показал, всей своей работой, что во главе промышленного министерства должен стоять профессионал, прошедший жёсткую школу работы на производстве, в контакте с проблемами и людьми. Его интересовало всё, что полезно и нужно Родине. Он мудро определил, что любой сдвиг в производстве идёт, прежде всего, от науки, и на всём протяжении своей работы её поддерживал и развивал. Отсюда новейшие разработки не только по тематике атома, но и химии, медицине, удобрениям, очистке воды, получению золота и ещё множество разработок казалось бы не имеющих отношения к нашей отрасли. Очень большое внимание он уделял социальной базе работников отрасли. Закрытые города, посёлки, города при предприятиях – это современные комплексы с полным социальным набором, это оазисы. Уделялось внимание всему от снабжения, обеспечению водой, озеленению и цветам. Понятно, что в отрасли концентрировались плеяды ученых, специалистов, высококвалифицированных рабочих.

А огромный строительный комплекс, который все задачи министра претворял в жизнь. Строители Минсредмаша построили уникальные промышленные предприятия, заводы, атомные станции, города. Строительный комплекс имел развитую индустрию, обеспечивающую потребность строителей и монтажников в материалах, изделиях и конструкциях.

А монтажный комплекс, который мог все – от монтажа и наладки атомных станций, химических производств, до тончайших работ по радио, электронике и физике.

Большой объём был создан по добывающей промышленности. Но самой главной заботой Ефима Павловича была забота о человеке. Он чётко понимал, что умный, квалифицированный работник, имеющий кроме зарплаты полный комплекс социальных услуг, способен решить любые задачи. Медицина, санаторное обслуживание, детские сады, спортивные сооружения, школы – все это было одной из главных задач министра и всех подчиненных ему руководителей. Отсюда отрасль работала без сбоев, давая стране новые высокотехнологичные производства, обеспечивающие превосходство продукции на зарубежных рынках.

Невозможно перечислить все дела, сделанные Е.П. Славским за время своей работы, но я думаю, что его биография и его действия должны быть эталоном для сегодняшнего руководства, предметом для подражания.

И ещё. В государстве должны быть одна, две супер-организации, которым всё по силам, и они могут решить даже невозможные задачи, как выполнил Минсредмаш под руководством Е.П. Славского закрытие аварийного атомного реактора на Чернобыльской станции.

Там нужен был руководитель-вождь. Он не брал на себя технические вопросы. Но его постоянное присутствие, уверенность, подтверждение и согласие с принятыми решениями, и я бы

сказал какая-то захватская смелость и, безусловно, колоссальный авторитет делали, казалось бы, невыполнимые задачи реальностью. А фраза: *«Я первый реактор построил и первый его захоронил»* стала символом.

А далее по тексту я привожу прямую речь Министра Е.П. Славского, его высказывания, мнения, прямой разговор с руководителями, комментарии.

Родился я в Донбассе на юге России и Украины. В прошлом веке ещё в 1898 году.

Отец мой, к сожалению, рано умер. Простудился просто, а лечение тогда какое? Мне пять лет всего исполнилось. Нас у матери двое было, я старший. Мать снова вышла замуж, у отчима моего, сын и дочь, так что нас в семье шесть человек

оказалось с родителями. Жили мы в деревне Макеевка. Теперь это город, а тогда село было. С 10 лет пошёл работать подпаском. Пастух русский – кацап, как мы тогда говорили, а я украинец – хохол, стало быть. На помещичьих землях за селом скотину пасли. Помню курень, где мы ночевали.

В ту пору на юге России бурно зарождалась промышленность. И я из пастухов сбежал на труболитейный завод. Металл, огонь – это мне тогда уже было интересней, чем коровы, и я до революции работал на этом заводе.

В партию вступил в восемнадцатом году, в 19 лет, и сразу на фронт. Шла Гражданская война. Начал воевать в отряде у Дыбенко – какой командир, какой человек был! Погубили, оклеветали. Потом нас переформировали к Будённому, и в его коннице с шашкой в руке войну и закончил.

Помню парад на Красной площади в двадцать пятом году. Тогда же техники никакой не было, кавалерия – главное украшение! Пройдёт пехота, и мы идём – конники. Пушки тоже на конной тяге. А потом был прием участников парада в Кремле. Столы накрыты – человек по сорок сидим. Рядом – члены Коминтерна, чины высшие военные.

Сталин обходил стол за столом и за каждым провозглашал тост. Нам он сказал так: «Товарищи, я предлагаю тост за вашего командира, товарища Горячева Елисея Ивановича, донского казака, красного командира, за его здоровье». Мы, естественно стоя, дружно гикнули: «Ура!». Сталин пошёл дальше.

Конечно, Сталин тогда уже был Сталиным, однако у нас он не был так популярен, как Будённый или Фрунзе. Я с ними был хорошо знаком, особенно любил Фрунзе. Он к нам в часть часто приезжал на лошадях покататься. Лошадь тогда не то, что сейчас. Это была Лошадь! Я даже верхом через всю Москву на политзанятия ездил. Ну, тогда столица меньше была. Это я рассказываю о событиях, когда гражданская война кончилась и мою часть, к моему счастью, поставили на мирное расквартирование в Москву. Почему к счастью? Ну, кто его знает, как бы жизнь сложилась, если бы затолкали в какую-нибудь дыру. А тут Москва! Разместили нас в казармах за Боткинской больницей. Там я и продолжал служить. Военское звание у меня было – Комиссар полка, три ипалы, по-теперешнему я вроде полковник. А образование – три класса

приходской школы. Это я ещё вроде учёным считался – девяносто процентов красноармейцев вообще были неграмотными. Школы прямо в частях тогда организовывали, и я учился, конечно.

Время сложное было, это сейчас в учебниках всё понятно изложено. Судебные процессы в стране пошли – шахтинский и другие. Вроде старые специалисты стали саботажниками, врагами народа. Тогда ЦК партии принял решение подготовить из представителей рабочего класса высококвалифицированных специалистов преданных партии, Родине и революции. Тысячу человек направили в институты. Я попал в Горную академию. Находилась она на бывшей Калужской улице. Закончил в 1933 году с отличием. Работать начал уже с дипломом на Кавказе, на заводе цветной металлургии в городе Орджоникидзе. Прошёл все ступеньки роста от рядового инженера до директора.

За полтора года до начала войны получил новое назначение – директором Днепропетровского алюминиевого завода в Запорожье. Тогда это был самый большой завод не только у нас в стране, но и в Европе. Ради него Днепропетровскую ГЭС построили. Алюминий металлом будущего называли, так что этот мой пост был, конечно, не малым. Что-то, наверное, удалось сделать, потому что меня вызвали в ЦК и предложили согласиться на назначение заместителем наркома цветной металлургии. Нарком был Ломако, я его хорошо знал, вместе учились в Горной академии. Поехал сдавать завод, но тут началась война.

Через два месяца немцы ко мне в Запорожье пожаловали, и я под ураганным огнём полтора месяца завод свой эвакуировал на Урал. Что там пережили – можете представить! На той стороне Днепра – немцы, на этой мы. Причем у врага была установка – не бомбить, так как хотели важнейший завод захватить целым, а выкосить всё живое минометным огнём и пулеметным с самолётов. Спасло то, что была взорвана плотина, так что переправиться немцы не смогли. Вот в таких условиях и шла эвакуация. Вспомнить и то страшно. Но всё, слава Богу, обошлось – людей потеряли минимум, оборудование демонтиро-

вали, погрузили на платформы и вывезли на Урал. За это я получил свой первый орден Ленина.

Первая награда у меня – серебряные часы с именной надписью «от ВЦИК» еще в Гражданскую. Тогда орденов Советских ещё не было, награждали то оружием именованным, то часами. Часы почетней, по тем временам это редкость была. Да еще, если именные часы серебряные, то считай герой.

Приехал в Москву, она полупустая, настроение ужасное. Пришел в ЦК к своему шефу, заведующему отделом черной и цветной металлургии Ивану Васильевичу Архипову. Стал проситься отправить на фронт. Я же комиссар бывший. И теперь, говорю, давайте пойду воевать. Наркомат цветной металлургии эвакуирован в Свердловск, туда Архипов и позвонил наркому Ломако – так мол и так, твой заместитель на фронт просится. Ломако не согласился – пусть, говорит, едет на Урал, тут работы невпроворот. Поехал – что делать? В кратчайшие сроки наладил производство алюминия, что это такое для военной промышленности в то время, объяснять не надо. Еще два ордена Ленина получил. Повоевать не пришлось, но мой металл бил врага, так мне потом уже на семидесятилетие Микоян в своем приветствии написал.

Победу встретил в Свердловске. Наркомат наш вернулся в Москву. Я в том же качестве – заместитель наркома и начальник главка алюминиево-магниевого электродного производства. Проработал год. Об атомной энергии, я тогда честно не имел никакого понятия. Мои знания о ней исчерпывались знакомством с двумя статьями академика И.Е. Тамма, притом в 1945 году я был чрезвычайно поражён, так как в них сообщалось о делении атома. К тому времени я уже был прекрасно знаком с Игорем Васильевичем Курчатовым. Курчатов обратился ко мне с просьбой наладить производство чистого графита. Почему именно ко мне? Потому что графит, который нужен был Курчатову, мог быть получен из анодной массы в цветной металлургии. А это моё кровное дело. Выпуск был поручен Московскому электродному заводу, который немедленно приступил к производству этого графита. За каждым

его граммом я лично следил. Шла наработка. Вроде всё нормально. Однако первые исследования проведенные физиками показали его полную непригодность. Безусловно, доложили в Спецкомитет. За сбой с поставкой вызвали на ковёр. Мы вышли с заседания, словно заново родились. Как будто только что стояли на стуле с петлёй на шее, и осталось только выбить его из-под нас. А тут показалось, что петлю сняли, и мы пошли работать. Вот какой был режим и время. Но, в конечном счёте, графит начали производить, и на этом деле мы крепко сдружились с Игорем Васильевичем.

И.В. Курчатов поставил вопрос, что бы меня из цветной металлургии отправили работать в третью структуру ПГУ. Чем он занимался, для меня тайной не было. Просто не принято было болтать.

Через год вызывают меня в МВД – так тогда КГБ назывался. Руководил этим министерством Берия. Первым замом у него был А.П. Завенягин..

Я его хорошо знал. Вместе учились. Он моложе меня, а академию закончил раньше, потому что раньше начал учиться.

СОВ. СЕКРЕТНО
(Особая папка)

РАССЕКРЕЧЕНО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

Постановление № ГОКО-9887сс/оп

От 20 августа 1945 г.

Москва, Кремль

О Специальном комитете при ГОКО

Государственный Комитет Обороны постановляет

1. Образовать при ГОКО Специальный комитет в составе:

1. БЕРНГАЛ П. (председатель)
2. МАЛЕНКОВ Г. М.
3. ВОЗНЕСЕНСКОМУ Н. А.
4. БАВНУКОВ Б. П.
5. ЗАВЕНГУИНА А. П.
6. КУРЧАТОВ И. В.
7. КАЛЫЦА П. П.
8. МАУНОВ В. А.
9. ПЕРВОТУН В. Г.

2. Возложить на Специальный комитет при ГОКО руководство всеми работами по использованию внутриаэриальной энергии урана¹, развитию научно-исследовательских работ в этой области,

созданию (развертыванию) технологических установок и созданию сырьевой базы СССР по добыче урана, а также использование урановой энергии непосредственно на предприятиях СССР (в Болгарии, Чехословакии и др. странах).

3. Определить промышленность по переработке урана, производству специального оборудования и материалов, связанных с использованием внутриаэриальной энергии.

4. Также строительство атомно-энергетических установок и эксплуатацию внутриаэриальной энергии.

5. Для предварительного расширения научных и технических вопросов, связанных на оборудовании Специального комитета при ГОКО, расширением планов научно-исследовательских работ и отчетов по ним, в целях технического проекта оборудования, конструкций и установок по использованию внутриаэриальной энергии урана создать при комитете Технический совет в следующем составе:

1. БАВНУКОВ Б. П. (председатель)
2. АЛЮБИНОВА И. - академик (ученый секретарь)
3. ВОЗНЕСЕНСКОМУ Н. - член-корреспондент Академии наук СССР
4. ЗАВЕНГУИНА А. П.
5. ЛЮНДЭ А. Ф. - академик
6. КАЛЫЦА П. П. - академик
7. КУРЧАТОВ И. В. - член-корреспондент Академии наук СССР
8. КУРЧАТОВ И. В. - академик
9. МАУНОВ В. А.
10. ДАРМОНОВ Б. - профессор
11. ПЕРВОТУН В. Г. - академик

6. Для непосредственного руководства научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по использованию внутриаэриальной энергии урана и производству атомной бомбы организовать при СНК СССР Главное управление - Первое главное управление при СНК СССР, подчиняемое Специальному комитету при ГОКО.

7. Обязать Специальный комитет при ГОКО разработать и представить на утверждение Президиума ГОКО план работ комитета и Первого главного управления при СНК СССР и мероприятия по их осуществлению.

8. Специальный комитет при ГОКО принимает оперативные меры по обеспечению выполнения заданий, возложенных на него настоящим Постановлением, имеет право издавать обязательные к исполнению для наркоматов и ведомств, а в случаях, требующих решения Правительства, имеет право непосредственно на утверждение Президиума ГОКО.

9. Специальный комитет при ГОКО имеет свой аппарат, смету расходов и подчиненный аппарат в Губкине СССР.

10. Специальный комитет при ГОКО определяет и утверждает для Первого главного управления при СНК СССР размер потребности ему в людях, оборудовании, рабочей силе и материально-технических ресурсах с тем, что Постановком СССР эти ресурсы выделяются в балансы республиканских «Специальных ресурсов ГОКО».

11. Председателю Постановка СССР в Вяземскому Н. А. организовать в Постановке СССР управление по обеспечению заданий Специального комитета при ГОКО.

Назначить специальным указанным управлением зам. председателем Постановка СССР в Вяземском Н. А. освобождая его от другой работы по Постановке и ГОКО.

12. Установить, что финансирование расходов и содержание Специального комитета при ГОКО, Первого главного управления при СНК СССР, научно-исследовательских, конструкторских, проектных организаций и промышленных предприятий поощрительного, а также работ, выполняемых другими наркоматами и ведомствами, по указанию управления, осуществляется специальным бюджетом по статье «Специальные ресурсы ГОКО».

13. Финансирование капитальной строительства для Первого главного управления проводить через Губкино.

14. Освободить Первого главного управления и подчиненный ему учреждения и предприятия от регистрации отчетов в финансовых органах.

15. Утвердить начальником Первого главного управления при СНК СССР и заместителем председателя Специального комитета при ГОКО в Вяземском В. Л. с освобождением его от обязанностей народного комиссара Восточного.

- Заместителем начальника Главма:
- ЗАВЕНГУИНА А. П. - первый заместитель,
 - БОРИСОВА Н. А. - заместитель,
 - МЕДУНКА П. Я. - заместитель,
 - АНТРОПОВА П. Я. - заместитель,
 - КАСАТКИНА А. Г. - заместитель.

16. Установить, что Первому главному управлению при СНК СССР его предприятия и учреждения, а также работы, выполняемые другими наркоматами и ведомствами для него, контролируются Специальным комитетом при ГОКО.

17. Назначить промышленным, учредительным и лицам без особого разрешения ГОКО не иметь права вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность Первого главного управления, его предприятий и учреждений или требовать от него работы или работ, выполняемых по заданиям Первого главного управления. Вся отчетность по указанным работам направляется только Специальному комитету при ГОКО.

18. Поручить Специальному комитету в 10-дневный срок внести на утверждение Президиума ГОКО предложение о передаче Первому главному управлению при СНК СССР необходимых для его работы научных, конструкторских, проектных, строительных организаций и промышленных предприятий, а также утвердить структуру комитета и планы работы аппарата комитета и Первого главного управления при СНК СССР.

19. Поручить в Вяземском принять меры к организации экстренной разведывательной работы по получению более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомной бомбе, включая на него руководство всей разведывательной работой в этой области, производимой органами разведки (НКВД, ГРУ и др.).

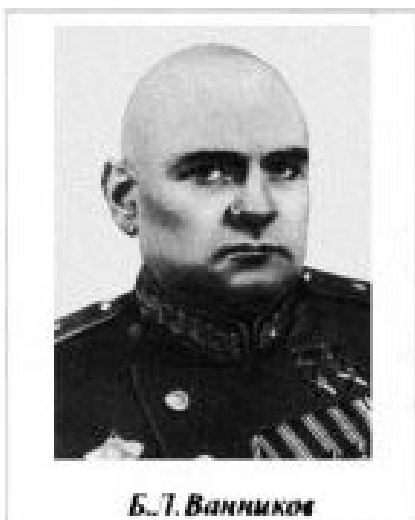
Председатель Государственного Комитета Обороны

И. Сталин

У меня задрожали ноги, может я сам того не ведая, натворил чего? Времена страшные, только что война кончилась. Сколько людей после таких вызовов пропадали бесследно, даже семья ничего не знала. Я никогда в МВД не был, так что мысленно с жизнью начал прощаться. Захожу в кабинет к Абраму Павловичу Завенягину. Он встает из-за стола, идёт мне навстречу, хлопает по плечу и говорит: «А, приветствую старого атомщика». Вроде как шутит, а я думаю, какой я тебе к чёрту атомщик? Тогда слово «атом» и произнести было нельзя, а то упрячут куда подальше. «Ну, садись, мне поручено сообщить о твоём переводе на атомные дела к Ванникову. Какие атомные дела, говорю, я же специалист по цветной металлургии, а в атоме ничего не соображаю. «Значит, будешь соображать, потому, что завтра или послезавтра выйдет постановление за подписью товарища Сталина, понятно?» Ну, чего же здесь не понять. «Но ты никому не говори об этом, всем кому надо сообщат без тебя».

В сорок четыре года осваиваешь новое дело, причём ответственное. Не работа, а хождение по лезвию бритвы. Малейший сбой – жизнью рискуешь

Я от Завенягина вышел совершенно обалдевший. Я никому ничего не говорю, жене не говорю. На третий день не выдержал и наркомму своему Ломако признался. Тот позвонил шефу нашему в ЦК Микояну. Микоян говорит: «Ничего, из волнуйся, я в курсэ». На другой день принесли постановление за подписью Сталина, и я ушёл к Ванникову. Вот так я и стал атомщиком. (9 апреля 1946 года, Совет Министров СССР утвердил третью структуру ПГУ. Славский Е.П. – начальник управления №2. Руководитель ПГУ – Б.Л.Ванников).

Уже летом 1946 года уран был разведен в очень ограниченном количестве. Как его вывозили? У меня сохранились фотографии. На одной из них: рабочие гонят ишаков. А на другой фотографии – те же ишаки возвращаются. На каждом висят сумки, а в сумках – урановая руда, если в ней 0,1% урана, остальное – пустая порода.

Так вот, представьте, сколько в одной сумке ишак привез урана? Только на первый уран – графитовый реактор нам нужно было 50 тонн чистейшего урана и около 500 тонн чистейшего графита. А технологии очистки урана, как и технологии очистки графита, тоже не было, надо было исследовать и организовать эти сложнейшие процессы.

Надо было сделать очень многое: разведку и добычу сотни тысяч тонн урановой руды, научиться обогащать её в таких же огромных количествах, построить заводы по разделению изотопов урана. Их было два. Один у посёлка Нижняя-Тура (Свердловск-45) для разделения изотопов электромагнитным способом. Это направление было поручено Льву Андреевичу Арцимовичу. Другой у посёлка Верх-Невинского (Свердловск-44) для разделения изотопов газодиффузионным методом. Его возглавил Исаак Кушелевич Кикоин. Симпатичный мужик был и тоже всю душу вложил в это дело. Сорок лет с ним работал, и все сорок лет мы боялись, что сегодня завтра он умрет.

Туберкулёз его сжигал. Был такой больной и хилый, а сколько прожил и как трудился!!

Третьим предприятием был плутониевый комбинат (объект 817), который создавался для производства плутония в ядерных реакторах, его радиохимического выделения из облучённого урана. Строили его в ударном темпе.

В том же 1946 году в июле-августе под руководством И.В. Курчатова рассматривали мы, если можно так назвать – смешино сказать – наши проекты реакторов.

Курчатов пришёл ко мне в кабинет: «Мне срочно надо ехать в командировку, а тебя попрошу рассмотреть, что там придумали наши умники конструктора». По-моему число проектов котла перевалило за десяток, а надо было один. «Игорь Васильевич, – взмолился я, – я же ничего в котлах не понимаю, как буду выбирать?» «Выбирай, не бойся, по разумению, не Боги горшки обжигали, была бы голова на месте, а она у тебя кажется на месте, так что отдохни и приступай, помолясь». Я ещё сопротивлялся, но Игорь Васильевич был неумолим.

Не тратя времени, собрал всех конструкторов у себя и попросил каждого рассказать о своём проекте, а других задавать ему вопросы. Начались доклады, вопросы-ответы, а я сижу и в блокнот отметки делаю себе, обращаю внимание, как автор докладывает, и как отвечает на вопросы, насколько убедительно. Два дня у меня продолжалось совещание. Все выговорились, и я сказал, что окончательный разговор будет с участием Курчатова, а пока проекты должны остаться в моём секретном отделе. Свой выбор я остановил на трёх проектах: Доллежал, Шолкович, Кондратский, среди которых мне особенно понравился проект Доллежала.

Приехал И.В.Курчатов и сразу ко мне: «Как дела? Что выбрал?». Я рассказал о совещании, показал ватманы. Игорь Васильевич внимательно меня выслушал и сказал: «Молодец Ефим, ты отобрал то, что надо. Но нужен один проект. Я ещё подумаю

и скажу. В августе 1946 года окончательно был выбран проект Доллежала, и мы не ошиблись.

Проект оказался лучше американского, но это мы узнали позже. А ведь построить реактор это еще не всё, хоть и уран у нас будет, скажем, и плутоний накопится, дальше тоже идут сложнейшие процедуры.

Вот с чего мы начинали. Вот какая у нас была мощь! Вот в каком положении мы были летом 1946 года.

Положение было трагичным ещё и потому, что началась «холодная война», которую развязали Англия и США против нас. В настоящее время обнародованы документы правительственных органов этих стран, которые нельзя назвать иначе, как свидетельством антикоммунистической паранойи.

В сентябре – ноябре 1945 года США приняли на вооружение доктрину «первого удара» против СССР. В директиве СНБ - 20/4, утверждённой президентом, определены цели и задачи атомной войны. В течение тридцати дней должны быть сброшены 133 атомные бомбы на 70 городов СССР, в том числе на Москву – 8 с разрушением 40 кв. миль, на Ленинград – 7 с разрушением 35 кв. миль. В последующие два года должны быть сброшены 200 атомных бомб. Черчилль говорил о ядерном преимуществе и в своей речи в палате общин 23 января 1948 года сказал, что не может не думать о том, что атомная бомба будет оставаться в надёжных руках ограниченное время, т.е. только у американцев. Через Эттли Черчилль уговаривал американского президента Трумэна согласиться с его предложением развязать против нас ядерную войну на том лишь основании, что СССР тогда не обладало атомным оружием.

25 декабря 1946 года в присутствии Государственной комиссии была осуществлена цепная реакция на реакторе, построенном практически за четыре месяца. Это была первая замечательная победа.

19 июня 1947 года были утверждены руководящие кадры завода № 817 (ПО Маяк). Е.П. Славский – директор завода, И.В. Курчатов – научный руководитель и руководитель центральной лаборатории.

Первое задание – возглавить строительство крупнейшего атомного объекта на Урале. Чушь! Стройка идёт на Урале, а проектировщики сидят в Ленинграде. Ну, приезжают, конечно, время от времени. И снова в Ленинград. Пишут письмо Ванникову – так и так не можем двинуться вперед из-за двух десятков проблем. Дело застопорилось. Ванников говорит – езжай и решай.

Собрал и говорю – действовать вот так, записывайте в протокол. И мы, слава Богу, все решили, и ни разу не ошиблись.

Много лет спустя один сотрудник, фамилия у него Ротшильд, как у американского миллионера, сказал: «Ефим Павлович! Вы такие решения принимали, что мы Вас приняли за сумасшедшего». А я ему говорю: «В связи с таким твоим заявлением скажу тебе, что ты до сих пор дурак». Он обиделся: «Это почему?»

Неужели, говорю, вы могли подумать, что это я диктовал решения? Я же из каждой вашей башки что-то выколачивал и всего лишь высказывал общее мнение. Понятно?»

Любимым выражением Берии в узком кругу было такое: «Пусть Курчатов и его люди работают, расстрелять их мы всегда успеем»

Берия относился ко мне очень хорошо. Он даже звал меня – «Наш Орел» - через «о». Я, конечно, знал цену его благорасположения, сколько людей тогда кануло в неизвестность. Лаврентий Павлович был человеком маленького роста, поэтому, наверно, почти всегда ходил в шляпе – она его как бы приподнимала.

Л. П. Берия

Меня же Бог, как видите, росточком не обидел, и я на всякий случай старался рядом с Берией не стоять при встречах. Чёрт его знает, что ему может прийти в голову.

Курчатов тоже был, конечно, человеком высоким, но тут дело особое – это Курчатов.

Ефим Павлович пробыл директором комбината не долго, до 29 ноября 1947 года. Берия, приехавший в начале ноября, был недоволен ходом строительства (вот тебе и хорошие отношения) и предложил Сталину назначить Б.Г. Музрукова, работавшего с 1939 года директором Уралмаша. (Назначение это обидело Ефима Павловича, и он на долгие годы сохранил к Б.Г. Музрукову неприязнь).

Музруков предложил мне разделить обязанности: он контролирует ход и решает все вопросы с обеспечением оборудованием и материалами, а мне оставляет всё руководство пусконаладочными работами и освоением технологий.

Начали строить первый атомный реактор. Строили естественно на пустом месте. Сначала жили в палатках. Потом приобрели финские домики. Были ещё молодыми, здоровыми ничего не боялись. Помню, через три года после начала строительства я там пятидесятилетие отмечал. Кормили, поили хорошо – чего там! Правда, когда строили, то по соображениям секретности ни на какие курорты нас не отпускали.

Строили комбинат главным образом заключённые и военные, гражданских было минимум. Судьба всех, кто там работал, была спланирована, заранее решена.

После запуска всего дела нас должны были оставить жить рядом в городе, который строили там же довольно интенсивно. Заключенных же должны были сослать на Север навечно для работы.

Завод № 814 (п/я 131 Североуральский склад Главстроя СССР) строили ответственно и очень быстро. Для сведения. Первую продукцию выпустили в конце 1950 года. Но в это же время был пущен газодиффузный завод D-3, что позволило увеличить выпуск обогащённого урана в 6 раз, поэтому в его работе отпала необходимость. В 1951 года перед предприятием была поставлена задача перепрофилирования с ориентацией на выпуск изотопа лития-6, необходимого для создания термоядерного оружия. В 1953 году налажен выпуск его в необходимом количестве. В 1954 году рабочий посёлок получил статус города Свердловск- 45 (ныне г. Лесной).

22 декабря 1948 года под научным руководством Радиового института и на основании разработанной им технологии был пущен первый в СССР радиохимический комбинат № 817 под Челябинском. С февраля 1949 года на заводе начали выпускать продукцию достаточную для испытаний ядерного оружия.

В первый год работы выдержка облучённого урана перед переработкой не превышала 45 дней. Всё это усложняло работу механиков, прибористов и технологического персонала. Эти категории работников получали недопустимо большие дозы облучения, которые составляли до 50 бэр в год. В таких тяжелейших условиях коллектив был обязан в начале 1949 года выдать на завод «В» плутония в достаточном количестве для изготовления атомной бомбы.

Когда мы строили атомный комбинат, жили неподалёку от строительства. А места там изумительной красоты. Сосновый Бор, озеро, горы! Как-то мы с Игорем Васильевичем плыли по озеру. Вот видим высокий берег, сосновый бор, красота! «Эх, – говорит Игорь Васильевич – Вот бы тут нам жить!». «Хорошо, – говорю я – Давай завтра пойдём, выберем место, построим коттеджи». Построили два коттеджа: один для Курчатова, другой для меня. И жили мы там, пока строили.

Трудно охватить башкой весь этот период. Самое замечательное в моей жизни – это работа с Курчатовым. Когда у него «кошки на душе скребли» – не заметить, он всегда весёлый. Великий был оптимист, эрудит! Хрущёв хотел сделать его президентом Академии наук. Игорь Васильевич отговаривался. И я говорил, что нельзя его загружать из-за здоровья – несколько инсультов уже было. Самоотверженным и отважным он был. Никакой чёрной и тяжёлой работы, когда от неё успех общего дела зависел, не боялся. Надо было работать ночами – работал больше двадцати часов в сутки. Надо было перепроверять облучённые урановые блочки – перепроверял лично. Когда на комбинате работали, со временем не считались вовсе. Спали два, три часа в сутки, нередко в производственных корпусах, напряжение колоссальное. Работали на промышленном реакторе. Только мы его пустили, ещё никакого плутония не наработали, я там главным инженером был. Игорь Васильевич мне говорит: «Знаешь, поскольку тебе надо и другими делами днем заниматься, давай мы разобьемся, будем спать по очереди по три-четыре часа. Я буду работать ночью, а ты ночью отдохнешь хоть немного. Ты днём работай, так как у тебя зона действия как у главного инженера – огромная».

И вот как-то я приехал с площадки ночью и не успел голову на подушку положить, как он мне звонит: «Давай приезжай быстро! ЧП!». Я говорю: «Хорошо». Позвонил дежурному, чтобы машину прислали. А сам думаю, дай прилягу на 15-20 минут, пока машина придет. Только прикорнул и мгновенно уснул от переутомления. Но спал, видимо я нервно. Через полчаса проснулся, смотрю в окно – машины нет. Спрашиваю дежурного: «Где машина?». А он – «Я не нашёл». То да сё. Я его, конечно, обругал и позвонил Игорю Васильевичу. А у него там машина на площадке – километров 15 будет. Дорога бетонная, езды 15-20 минут. Объясняюсь с ним и прошу направить мне его машину. А он меня успокаивает: «Давай, спи, отдыхай. Я тебе завтра расскажу, как ЧП ликвидировали». А у нас случилась тогда неудача из-за конструкции реактора. Он каналный, каналы алюминиевые и стали быстро корродировать, выходить из строя. И мы никак не могли понять, в чём же дело. Потом

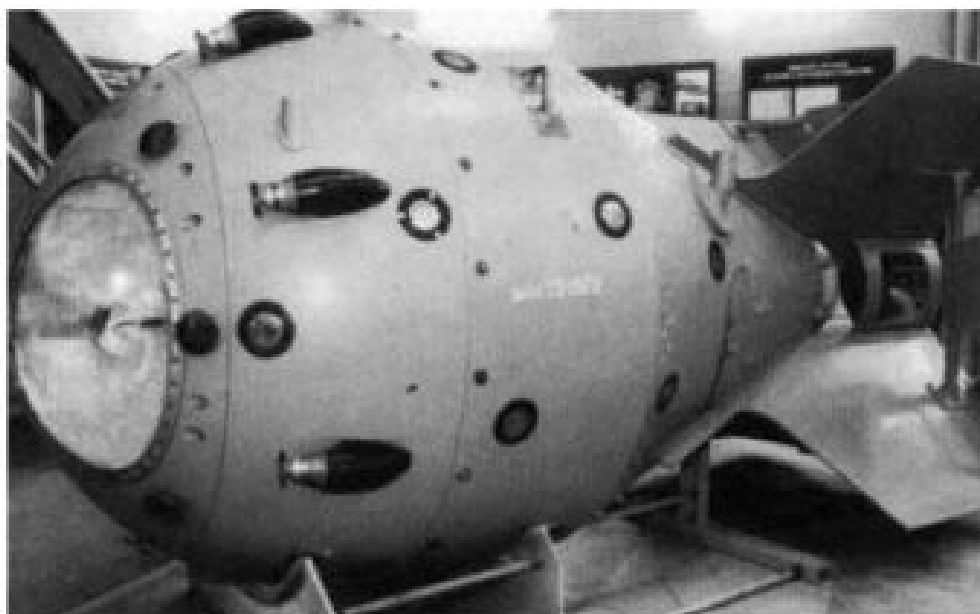
выяснили. Поняли, что надо изменить систему влагосигнализации. Чтобы изменить эту систему, потребовалось разгрузить весь реактор. Можете себе представить – в нем 100 с небольшим тонн урана! И наши люди переносили облученный уран снизу вверх для загрузки. Это эпопея была чудовищная! А блочки с ураном заключены в алюминиевые оболочки, и они иногда по железным конструкциям ударялись и оболочка повреждалась. Если бы такой блочок потом попал в реактор, то туда попала бы вода, тогда произошло бы распухание, а это как мы называли «козёл», т.е. закрывается вся подача воды, и сгорит весь канал. Игорь Васильевич решил той ночью дежурить. Зал огромный. Посередине реактор. Надо проверить, загрузить свежие блочки. И он тогда через лупу все их рассматривал, проверял – нет ли повреждённых. У нас была сигнализация устроена так, что если бы радиоактивность превысила норму, зазвонили бы звонки. Кроме того, звуковая сигнализация была дублирована световой – разные лампочки загорались. Но так как у нас «гадость» была большая мы, конечно, вообще выключили эти самые звонки и вырубил световую сигнализацию. И вдруг понимаете, она загорелась! Игорь Васильевич сидел у стола, в одном ящике у него эти облучённые блочки. Он их рассматривал и клал в другую сторону. Иван Павлович Фролов-Домнин видит, что загорелись лампы. Он подходит к Курчатову и говорит: «Не у вас ли это, Игорь Васильевич?» – и дозиметриста вызвал. Ионизационную камеру мгновенно доставили и установили, что у Игоря Васильевича в этом самом ящике находятся мощно облучённые блочки. Если бы он досидел, пока сортировал, ещё тогда мог бы погибнуть!

С точки зрения личной симпатии – это был человек как магнитом притягивающий к себе. Благодаря тому, что во главе нашего дела стоял такой обаятельный человек, много крупных ученых по огромному комплексу удалось мобилизовать в нашу отрасль. А это был не такой уж простой вопрос. Многие боялись как чёрт лапана, потому что думали: как туда попадешь, так и захлопнут. Такое положение у нас было до последнего времени. Хотя теперь куда проще стало. Но бывает, надо послать

человека за границу, а он осведомлённый? Осведомлённый, а зачем посылать неосведомлённого?! Но посылаем неосведомлённого! Вот беда.

В начале августа 1949 года из облучённого урана, применяя радиохимические методы, изготовили детали для бомбы. Прессование деталей выполнил НИИ – 9 А.Г. Самойлов, а извлёк детали из пресс-формы Е.П. Славский, так как у других сил для этого не хватило.

Конец августа 1949 года – подготовка к проведению первого атомного взрыва. В особенности переживал Игорь Васильевич. Это было заметно: он выглядел бледным, осунувшим и очень нервничал, хотя старался не показывать виду. Помню, уезжая на испытание, пришёл попрощаться с нами, принес коньяк. «Выпейте, – говорит, – за общее дело, наше дело, за удачу». А сам как натянутая струна. Бомбу увозили в невероятной секретности. Для скрытия впереди состава с грузом пустили два коротких дополнительных. Затем следовал поезд с атомной бомбой. Всю эту цепочку замыкал ещё один поезд прикрытия. Мы создали ядерный заряд уже сразу как бомбу, которую можно было бросать с самолёта.

Вышка для установки ядерного заряда на Семипалатинском полигоне

И. В. Курчатов на Семипалатинском полигоне

29 августа 1949 года в 4 утра по московскому времени и в 7 по местному в отдалённом районе Казахской ССР в 170 км западнее г. Семипалатинска, на специально построенном и оборудованном опытном Семипалатинском ядерном полигоне состоялось испытание первого отечественного ядерного заряда для авиационной бомбы РДС-1. Это испытание означало успешное завершение напряженной работы КБ-11 и других привлечённых научно-исследовательских и конструкторских

организаций страны по ликвидации американской монополии на атомное оружие. «Сам я на полигоне тогда не был, не пришлось, так как оставался на комбинате в ожидании испытания, и все мы страшно волновались».

Именно под руководством И.В. Курчатова в кратчайшие сроки было создано и противопоставлено атомной монополии США наше ракетно-ядерное оружие. Нашей мощи, нашей силы боятся, потому и добиваются, что бы мы в главной силе разоружились. Но в этой силе гарантия, что атомной войны не будет, потому что создана чудовищная мощь. Тот, кто задумает начать войну, должен знать, что это самоубийство не только для тех, кто даёт команды, а это самоубийство собственного народа. Но если бы мы не создали свой ядерный щит в такой короткий срок, затянули бы, не дай Бог, лет на десять – катастрофа для нашей страны была бы неминуема.

И всё это стало возможно с подключением всех механизмов государства, жесточайшей дисциплины исполнения, подбора кадров, выполнения порой через не могу и конечно вера в успех, полная самоотдача – всё это привело к успеху.

Сейчас в европейских кругах распространяют слухи, что СССР наворовал технологию ядерного оружия у американцев и поэтому так быстро создал его. Да, у И.В. Курчатова такие сведения были, кое-что по линии секретного добывания мы имели. Безусловно, это заслуга нашей разведки.

Да тот же Клаус Фукс, тот же Жюлио Кюри сами приезжали в Москву, что бы увидеться с Молотовым и Сталиным и договориться о совместной разработке атомной бомбы. Они сотрудничали с СССР, потому что видели в нём гаранта борьбы с фашизмом. И Нильс Бор рассказал всё и даже дал материалы. А после победы нам достались только прикладные вещи – станочное оборудование, очень высококачественное и около сотни специалистов не самого высокого уровня.

Жуковскому Станиславу И. В.

Докладываю Вам товарищ Станислав, что
указанным бойцом выделены следующие участки,
вспомогательный, основной, промежуточный раз-
делочный и работы нашей промышленности,
в общей 4-летней направленной работе. Работы
указаны согласно советскому плану работы бойца
выполнено.

Согласно указанной работы в нашей стране
достигают благодаря Замслу, посредничеству
финансов, работ и помощи в развитии
этой работы.

Докладываю следующие предваритель-
ные данные о результатах выполнения
первого экземпляра указанной работы
с закладом из плутины, скотопро-
вадной и уплотненной Пересми
Леоновича Замслем при Совете

б) работа обладает свойствами и свойствами
тепловых (заключенцев) вудриетди на
промышленные, военные и гражданские со-
оружения, полностью поработав огнем
нефтяных скотопровадных объектов в ра-
диусе 2-х километров (т.е. на площади 12
кв. километров или 1200 гектаров).

Личный отчет о результатах выполнения
будет представлен Вам через 1-1½ месяца.

4 августа 1949г

Работник промышленности

(6170) инженер
Самойлов С. В.

Л. Берн.
инженер

Но лихо было сказать, что эти сведения были таковы, что по ним мы могли всё уже сделать – это чепуха! А ведь реактор построить и запустить – это ещё не всё. Даже если он заработает и урана, и плутония в реакторе достаточно накопить. Дальше сложнейшая процедура – радиохимия. И, наконец, уже та часть, обработка изделий для атомной бомбы, как мы называли – ОЗС, там, где господствовал А.А. Бочвар. Это ещё один завод. Сложнейший цикл процедур!

Сталин очень доволен был. Я получил первую свою Золотую Звезду Героя, звание лауреата Сталинской премии. Не один конечно, с группой учёных – Курчатов, Харитон, Флёров и ещё несколько человек. Кроме того, нам дали по машине «Победа» – это лучшая тогда была машина, выделили по даче с полной мебелью под Москвой. Курчатов, правда, попросил дачу в Крыму, но он там редко бывал. И ещё дали каждому по 75 тысяч рублей. По тем деньгам большой капитал. И это не всё. Вручили удостоверение – так и так, обладателю разрешается бесплатный проезд по всей стране на всех видах транспорта – железнодорожном, морском, какой хочешь первым классом. А дети в любой институт могут поступать без вступительных экзаменов. Понятно? У меня дома это удостоверение до сих пор лежит.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

18 Ноября 1949 года

Горячо благодарим Вас за высокую оценку нашей работы, которая Партия, Правительство и лично Вы удостоили нас.

Только повседневное внимание, забота и помощь, которые Вы оказывали нам на протяжении этих 4 с лишним лет кропотливой работы, позволили успешно решить поставленную Вами задачу организации производства атомной энергии и создания атомного оружия.

Обещаем Вам, дорогой товарищ Сталин, что мы ещё с большей энергией и самоотверженностью будем работать над дальнейшим развитием порученного нами дела, и отдадим все свои силы и знания на то, чтобы с честью оправдать Ваше доверие.

А. Бсрия

Академик	И. Курчатов
Член – корреспондент АН СССР	Ю. Харитон
	Б. Ванников
Академик	А. Бочвар
Член – корреспондент АН СССР	А. Виноградов
	А. Завенягин
Профессор, доктор технических наук	Н. Доллежаль
	А. Первухин
Директор комбината № 817	Б. Музруков
Главный инженер комбината	Е. Славский
Начальник завода № 2 комбината № 817	Б. Громов
Член – корреспондент АН СССР	Б. Никитин
	В. Махнев
Академик	И. Черняев
Научный руководитель завода № 1	В. Фурсов
Академик	С. Соболев
Член – корреспондент АН СССР	А. Александров
Член – корреспондент АН СССР	Я. Зельдович
Начальник конструкторского бюро	П. Зернов

27 декабря 1949 года в целях укрепления руководства ПГУ Совет Министров посчитал необходимым иметь в указанном управлении кроме первого заместителя дополнительно ещё двух освобождённых заместителей начальника Первого главного управления и назначил на эти должности Е.П. Славского и Н.И. Павлова.

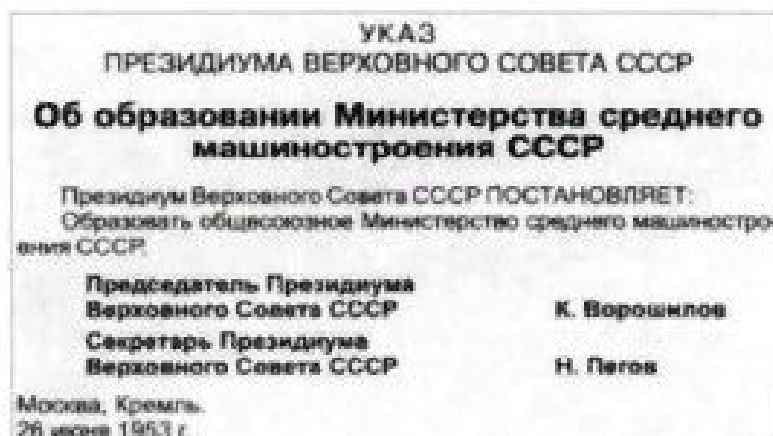
18 октября 1951 года на Семипалатинском полигоне осуществлён первый воздушный ядерный взрыв. Сброс ядерной бомбы (РДС -3) был произведён с самолета ТУ-4.

Когда у американцев уже были ракеты, снаряжённые ядерными зарядами, у нас родилась исключительной теплоты братское сотрудничество между академиком Игорем Васильевичем Курчатовым и академиком, конструктором Сергеем Павловичем Королёвым. Игорь Васильевич руководил работами по со-

зданию ядерного оружия. Сергей Павлович – ракетоносители к ним. И мы создали ту мощь, из-за которой нашу страну наряду с Америкой считают сверхдержавой мира.

Небольшое отступление. Немногие знают, что первую ракету Сергей Павлович изготовил в подвале дома на ул. Садово-Спаская, д. 19, где я и родился (интересное совпадение). Это первый кирпичный высотный дом в Москве (8 этажей). Памятник сезоннику – каменщику стоит рядом в скверике, говорят, что это мой прадед.

Наступил бурный период 1953 года. Меняется политика государства. Министром Министерства среднего машиностроения СССР становится Малышев Вячеслав Александрович – генерал-полковник инженерно-танковой службы.

Славский Ефим Павлович Министр Среднего машиностроения СССР

Когда Перухина сняли, он приехал и сказал, обращаясь к Славскому: «Ты теперь министр». Ефим Павлович говорит: «Как так. А как же Вы?» – «Меня послали к маме», – отметил он. «Как же так назначили и со мной не переговорили, не посоветовались».

Когда я стал министром, в это время Сталина уже не было, Хрущёв был генеральным секретарём, Булганин Председателем Совета Министров.

И.В. Курчатов и Е.П. Славский

К Игорю Васильевичу относились хорошо. Игорь Васильевич придёт ко мне: «Давай звони, пусть примет нас». Я звоню Хрущёву, и он нас принимал немедленно.

29 сентября 1957 года на химзаводе им. Менделеева (комбинат 817, он же база-10 комбината «Маяк») произошёл взрыв нитратных радиоактивных солей с выбросом большого количества радиоактивных изотопов на большую территорию за пределами химзавода. Ефим Павлович сам возглавил работы по дезактивации объектов предприятия и наиболее загрязнённых окрестностей, а так же отселению пострадавшего населения. Работа велась в закрытом режиме очень высокими темпами, это помогло избежать ажиотажа, закончить работы, хотя по значимости и объёму они ненамного были меньше работ на ЧАЭС.

Кроме того появился уникальный полигон для выполнения крупно масштабных исследований в натуральных условиях миграции радионуклидов в различных природных ландшафтах и действия ионизирующих излучений на природное сообщество растений и животных. И здесь отдам должное предвидению Е.П. Славского, который сказал: *«Важно не только максимум вернуть загрязнённые угодия, но здесь надо организовать на этой уникальной базе, учреждение, где специалисты различных ведомств могли бы изучать последствия радиационного воздействия на природу»*. Именно так волевым мудрым решением Е.П. Славского была рождена отечественная радиология, а в середине 80-х годов после снятия режима секретности она стала мировой радиологической Меккой.

В это время Лысенко зажимал генетику, а Игорь Васильевич решил Дубинина защитить – и к Хрущёву. А тот: «Игорь Васильевич, мы Вас очень ценим и уважаем, а здесь вы неграмотный, не суйтесь в это дело!».

Я тогда не знал, кто такой Вавилов Н.И. Думал, что это Сергей Иванович. А это его брат – генетик. А Лысенко, оказывается всякую подлость творил. И вот Игорь Васильевич обратился

тогда ко мне: «Давай деньги!» Построили помещения и генетиков вырастили втайне от Хрущёва. Только несколько лет назад отдали их из Института атомной энергии в Академию наук – целый институт молекулярной генетики.

Мне всю жизнь везло на людей. Если я только перечислю фамилии. Это выдающиеся личности мирового масштаба, понятно? Но я хочу сказать, что со многими меня связывали не только служебные отношения, но и очень глубокие личные, проще говоря, по-житейски, дружественные. Королёв мне дважды даже заявлял: «Давай я буду добиваться, что бы весь космос передали в твоё министерство». Я говорю: «Ну тебя к шутам, мне своих атомных забот хватает по горло». Особо дорогой моему сердцу человек – Игорь Васильевич Курчатov. Я его каждый день, считай, вспоминаю, хотя уже несколько лет, как его нет.

Сколько раз мы вот так сидели и у меня дома, и у него. Живой, подвижный, остроумный человек. А талантище какой! Ему, и никому больше, наша страна обязана и атомной бомбой, и атомной электростанцией – мы ее в Обнинске построили, первую в мире, понятно?

Зельдович, академик – он с Харитоном на пару все расчеты по ядерному оружию делал. Такой изумительный эрудированный физик, такой энергичный, жизнерадостный всегда, я считал, что он меня, куда там переживет. Но нет – инфаркт. Я не поверил сначала. Он мне на своей книге написал: «Дорогому моему учителю на память». Я ему говорю: «Чего ты пишешь, какой я тебе к черту учитель, я твою книгу и прочесть-то не могу». А он говорит: «Так Вы мне года четыре назад принесли сборник своих научных трудов, здоровая такая книга и вы мой учитель по жизни». Я говорю: «Тогда так и пиши». Через год присылает оттиск своей статьи в научном журнале с надписью: «Учителю жизни».

Александр Павлович Виноградов тоже академик, крупный учёный. Я как-то сижу в своем кабинете, вижу – дверь приоткрывается, и никто не заходит. «Что за хулиганство?» – говорю. – «За-

ходите, если кому нужно». А Виноградов – он маленький такой мужичонка заглядывает и говорит: «А мне ничего не нужно, я просто пришел на Вас посмотреть».

1961 год. Хроника событий. Хрущёв в США встречается с новым президентом Джоном Кеннеди. В апреле триумфальный полёт Юрия Гагарина. Хрущёв собирается подписать договор с Восточной Германией. Кеннеди против и пообещал, что зима у нас будет «холодной». «Мы Вам покажем, господин президент, что такое русская зима», - сказал Хрущёв.

10 июля 1961 год. Е.П. Славский с группой учёных в Кремле. Хрущёв из доклада физиков узнает о возможности создания 100 мегатонной бомбы. Никита Сергеевич ухватился за эту идею. А.Д. Сахаров возражал о возобновлении испытаний, но получил категорический отказ. Арзамас-16. В кабинете Сахаров, Адамский, Бабаев, Смирнов, Трутнев: «Решение принято, будем делать, пригодились наработки 50-х годов».

31 августа 1961 года СССР объявляет о необходимости возобновления ядерных испытаний.

17 октября 1961 года открывается XX съезд КПСС. Работы по изделию подходят к концу. Хрущёв называет время испытания 30-31 октября одновременно сообщает, что будет взорвана 50 мегатонная бомба. «100 мегатонную взрывать не будем, а то мы можем себе окна побить». 100 мегатонная бомба – это 5 тысяч Хиросим, а что бы не разрушить самолёт-носитель, решили уменьшить заряд в два раза. В последнее время перед отправкой 20 октября 1961 года сделали дополнительное усиление. Работали всю ночь, решение было найдено. К утру были готовы чертежи. Бомба при сбросе замедляла падение за счёт парашюта весом около 2 тонн, площадь купола 1,5 тысячи м² – половина футбольного поля. Вес бомбы 26 тонн, длина 8 метров, диаметр 2 метра. Научное руководство возглавлял Цирков Г. Самолёт - носитель турбовинтовой ТУ-95. В его днище была вырезана часть корпуса, гигантская бомба не влезала в бомболюк. Самолёт выкрасили белой светоотражающей краской.

26 октября 1961 года В. Адамский и Ю. Смирнов в поезде отправлялись на испытание своего изделия. К поезду подъехал А.Д. Сахаров с Бабаевым и Трутневым. Были сомнения, а последствия понятно могли быть какими, но В. Адамский сказал: «Всё надёжно, всё сработает».

28 октября 1961 года. «Изделие» уже прибыло на станцию Оленье, на Кольском полуострове. Под конвоем доставили в спец. помещение и приступили к контролю отдельных узлов.

29 октября 1961 года. XX съезд. Хрущёв развенчивает культ личности Сталина.

Погода не позволяет проводить испытания. Бомбу погрузили и повезли на аэродром. «Изделие» было такое, что подвезти его прямо под самолёт было не возможно. Пришлось вырыть на взлетной полосе котлован глубиной 1,5 метра, в него вкатили бомбу. Мощными лебёдками притянули к корпусу. Более 2/3 изделия оказались снаружи. В это время на командный пункт прибывают Е.П. Славский и маршал Москаленко – делегаты XX съезда партии. 9 часов 17 минут взлёт разрешен, Ту-95 тяжело отрывается от земли. Москаленко и Славский взлетают на самолете ИЛ - 14 для наблюдения с воздуха. В это время на съезде КПСС – предложение о выносе тела Сталина поддержано единогласно. 11 часов 32 минуты. Даже через закрытые шторы окна ярчайший свет обжигает лица. Все самолёты исчезли с радаров, связь прекратилась по всей Арктике. Требуемая мощность получена.

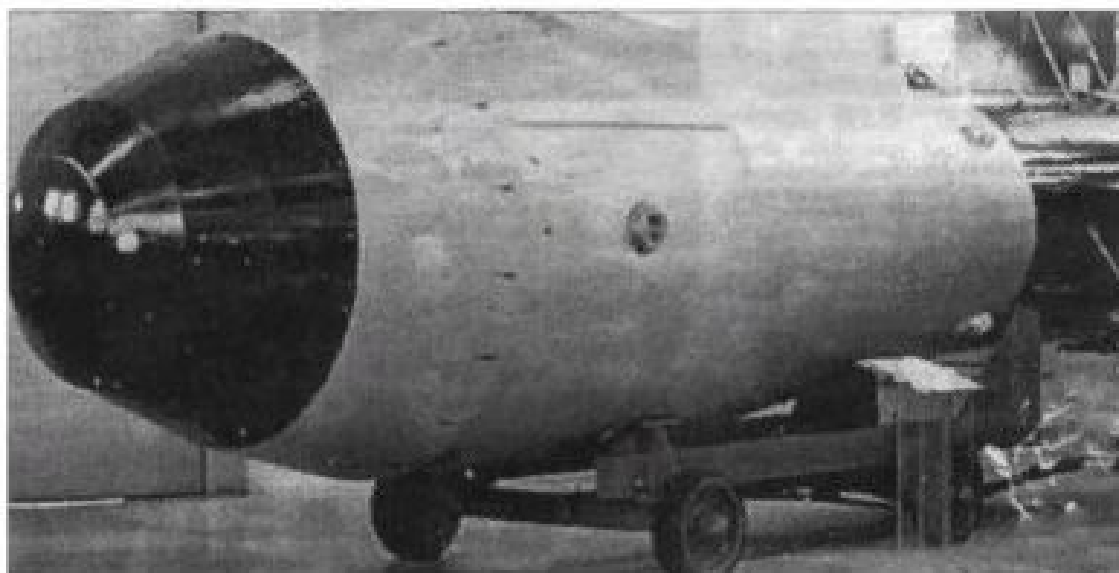
Телеграмма: «Москва, Кремль. Испытания на Новой Земле прошло успешно. Безопасность испытателей и близлежащего населения обеспечена. Полигон и все участники выполнили задание Родины. Возвращаемся на съезд. Славский, Москаленко». Из отчета А.Сахарова: «Испытания доказали возможность создания зарядов практически неограниченной мощности». Американцы после замеров заключили, что это необычайно «чистая» бомба. Трижды Героями Социалистического Труда стали А.Д. Сахаров и Е.П. Славский и группа физиков разработчиков. По ходатайству Е.П. Славского за

отвагу и героизм при испытании самой мощной термоядерной бомбы майору А.Е. Дурновцеву, майору И.Н. Клещу, подполковнику В.Ф. Мартыненко было присвоено звание Героя Советского Союза.

А.Д. Сахаров, «отец» советской водородной бомбы

50 мегатонный взрыв на Новой Земле военного значения не имел. Это конечно было политическое оружие, изготовленное в единственном экземпляре. Мир содрогнулся. Больше зарядов такой силы не испытывали никогда. А 100 мегатонную бомбу испытать не решились, справедливо полагая: она может прикончить нас всех без исключения.

Самая мощная в мире экспериментальная термоядерная авиабомба, испытанная в 1961 году.

2 Февраля 1970 года Славский твердо высказался: *«Мне не ясно, почему военные во главе со своим министром не интересуются мирными зарядами. Мы будем работать по мирным направлениям, как работали».*

Готовились к ядерным испытаниям 1966 года. Институт прикладной геофизики был против (Ю.А. Израэль). Встал вопрос проводить или нет. Ефим Павлович написал синим карандашом: *«Израэль своими расчетами мутит воду».* Это было важное для развития ядерного оружия испытание.

В 1980 году на Совете обороны Ахромеев докладывал Брежневу о передаче ядерного оружия армии. Славский со свойственной ему прямоотой сказал: *«Ядерное оружие – оружие государственное. Им может распоряжаться только высшее руководство страны».* Брежнев смотрел куда-то вдаль и не собирался реагировать на реплику Славского.

Спустя несколько лет после пуска Приаргунского горного комбината Ефим Павлович с гордостью говорил: *«Теперь и оружие, и энергетика обеспечены ураном на 100 лет вперед. Термояд был мечтой Игоря Васильевича Курчатова, он верил, что у этой проблемы есть решение. Верю и я, поэтому финансирую эти работы. Только был Велихов, опять деньги на «термояд» просил. Сколько времени они грозят запустить термоядерную электростанцию, но они также далеки от этого, как 10 лет назад. Дал ему 50 миллионов, пусть трудится. Наверно до конца века будут говорить, что уже вот-вот. Трудная задача. Никому пока не удается».*

Создана отечественная сырьевая база по производству литиевых и бериллиевых концентратов, были разработаны технологии обогащения руд Малышевского, Ермаковского, Завитинского месторождений, что позволило полностью прекратить поставки литиевых и бериллиевых концентратов. В этих работах велика заслуга и личная роль Е.П. Славского.

В период с 1 ноября 1962 года по 25 декабря 1962 года осуществлены последние высотные и наземные ядерные взрывы.

В 1961 году по инициативе Е.П. Славского была создана 8-ая (радиологическая секция НТС) Минсредмаша, координировавшая 20 лет исследования различных ведомств – Минсредмаша, Академии Наук, Госгидромета, ВАСХНИЛ, Минсельхоза, Минобороны и других ведомств в области охраны окружающей среды. И здесь самое активное участие принимали академики: А.П.Александров, И.К. Кикоин, А.П. Виноградов, А.А. Бочвар, А.Д. Зверев, Н.А. Семёнов. Фундаментальный вклад в эти исследования внес академик ВАСХНИЛ В.М. Ключковский, который считается по праву основоположником радиоэкологии.

В период 1963-76 годы Ефим Павлович много уделял внимания разработкам и осуществлению проектов промышленного применения ядерных взрывов. Спец. устройства были с габаритами 260 мм при длине 3,5 м. По инициативе Славского вблизи границы Семипалатинского полигона на пересыхающей летом реке Шаган (Чаган) специалистам КБ-11 (ВНИИЭФ) был произведен ядерный взрыв на выброс. 15 января 1965 года был образован огромный котлован объемом 5 миллионов м³, что бы использовать весенний паводок для заполнения водой и соединен с руслом реки, используя водораспределительную плотину. 30 сентября 1966 года был укрощён гигантский горячий факел на месторождении Урта - Булак, Бухарской области. Факел сжигал за сутки столько газа, сколько потреблял бы в год город Ленинград. Рсв был слышан на десятки километров. По наклонной скважине опустили ядерное взрывное устройство. В присутствии Славского и руководства Узбекистана произвели взрыв, прилично потрянуло, факел с 10 минут не менялся. Славский сказал: *«Догорает то, что накопилось, сейчас начнет гаснуть»*. И действительно факел начал гаснуть. Все молчали, и как зачарованные смотрели на то место, где недавно бушевал огонь.

Полная тишина.

Около трёх лет мощный факел газа с расходом 12 млн. м³ в сутки безуспешно пытались погасить. Ущерб от аварии составлял 34 млн. рублей. Позднее подобные пожары были ликвидированы в Узбекистане на Памукском месторождении в 1968 году, в Туркмении на Майском газовом месторождении, на Украине на Крестиченском газовом месторождении в 1972 году, в Архангельской области на Кумжинском газовом месторождении в 1981 году.

Вопросы корреспондентов: *«Как вы пережили репрессии?»*

Личный ужас перед возможной расправой ко мне приходил два раза. Среди моих знакомых была ленинградка по фамилии Николаева.

«Однофамилица убийцы Кирова?» – «Точно. Я и писал ей единственный раз. Еще на заводе в Орджоникидзе, работая после академии. Ну и допросы в НКВД их забыть нельзя.

А второй раз бомбу на полигон провозжали. Вроде надо радоваться, а у нас всё дрожит, а ну как не взорвется. Хоть и Берия называл меня «наш орол», но иллюзии насчет этого наркома не было.

А слухи о том, что денег много давали, резон тут есть. Со мной всегда в Минфине и Госплане, Совмине короче всех разговаривали: «Надо деньги – возьми». Но взять-то – полдела, деньги надо потратить с умом и взглядом в завтра.

В создании социальной системы Средмаша роль Славского была определяющей. Две отрасли равно пестовались государством – ядерное – Средмаш и ракетно-космическая – Общемаш. Два министра практически одновременно и долговременно возглавляли отрасли Славский и Афанасьев. Но социалка в Средмаше оказалась лучше. Были ведь и другие отрасли, имевшие свои закрытые города, но не в одной другой не было таких любовно построенных городов. (Е. Адамов)

Славский жил интересами своего Министерства, много ездил по предприятиям, интересовался не только промышленным, но и гражданским строительством, создавая подлинно социалистические города: Шевченко, Навои, Учкудук.

Когда на полуострове Мангышлак началось освоение уранового месторождения, у Славского возник смелый план строительства БН-350 для снабжения города электроэнергией и опреснительных установок для снабжения водой. На Урале был пущен БН-600 (пущен в 1980 году) и успешно работает. МСМ – это было замкнутое государство в государстве. Кроме производства, науки, сельского хозяйства министерство осуществляло огромный до 2 миллиардов рублей объем капитального строительства, товарооборот был более 3 миллиардов рублей и показатели постоянно росли. Как минимум один раз в год Е.П. Славский объезжал свою епархию.

В 1967 году Постановлением правительства месторождение Мурунтау было передано МСМ и создано центральное рудоправление НГМК. В Заравшане министр выслушал докладчиков, одним из которых был будущий академик, лауреат Ленинской премии Б.Н. Ласкорин (ВНИИХТ). На следующее утро в присутствии работников комбината и докладчиков министр заявил: «Я деталь-

но ознакомился с изложенными технологическими схемами завода № 2 в проектах ВНИИХТа и Иргирмеда и пришёл к выводу о принятии технологической схемы, разработанной во ВНИИХТе под руководством Б.Н. Ласкорина». Так на ГМ 3-2 Мурунтау впервые в мире была внедрена схема извлечения золота технологическим переделом, включающая сорбцию и регенерацию золота из пульпы хвостов гравитации. Эта схема работает до настоящего времени. В Уч-Кудуке на встрече с министром цветной металлургии П.Ф. Ломако, Ефим Павлович сказал: «Петр Фадеевич, я строю Уч-Кудук без всяких скидок на отдаленность и на тяжёлые природные условия пустыни. Зеленые улицы, стадион, бассейн с подогревом воды, музыкальная школа, детские сады, Дом культуры, магазины, столовые, жилые дома со всеми удобствами: горячая, холодная вода, ванны, газ во всех квартирах. Это ты видел в Навои, видишь здесь, завтра увидишь в Заравшане». Сейчас этого не хватает в городах при атомных станциях.

Широкое внедрение разработанных в Минсредмаше новых технологических процессов по выпуску гранулированных сложных минеральных удобрений.

Ефим Павлович любил Кызыл-Кумские города, даже справлял там одну из круглых дат. Говорил: «Я Вам должен сказать, что история не знает, чтобы пятилетнему комбинату давали высшую правительственную награду. Это Ваш подвиг, героический, трудовой. Поэтому, я как министр, волнуюсь и радуюсь, пожалуй, больше тех, кто получил награды».

Усть-Каменогорск. Ефим Павлович познакомился с этим городом, будучи на практике от горной академии, которую он окончил в 1933 году и проходил практику на свинцово-никелевом комбинате. Это был ни город, ни село, ни деревня – это был, как в народе говорят, «Груздь-Каменодырск».

Ежегодное посещение Усть-Каменогорска было вызвано не только тематикой министерства, но и серьёзной реконструкцией Ульбинского металлургического завода, где сосредотачивалось

производство керамических таблеток из слабо обогащённого урана для изготовления ТВЭЛ, производство комплектующих деталей из нержавеющей стали для ТВС, запорной арматуры для АЭС. На этом заводе сосредотачивалось и масштабно развивалось практически единственное в СССР производство бериллия и его сплавов, тантала и изделий из него. Это требовало значительных финансовых и материальных вложений и личного участия Министра, чтобы на месте оперативно решать вопросы. Там же Е.П. Славский избирается депутатом Верховного Совета СССР на многие годы.

Вспоминает Верховых Петр Михайлович: «Помню перед очередными выборами я вместе с Ефим Павловичем участвовал в поездках по отдалённым районам Восточно-Казахстанской области. С помощью коллектива Ульбинского машиностроительного завода и Иртышского управления строительства сделали очень много: построены школы, больницы, дома отдыха. Народ, а это в основном казахи благодарили своего депутата, но и обращались с новыми просьбами. Были случаи, когда приезжая в посёлок, где была построена школа в прошлом году или детский сад он видел полный развал и пришедшее в негодность здание. Без стрессов и упрёков поручал строителям и комбинату восстановить, чтобы приучить людей к цивилизации».

Областной центр Усть-Каменогорск с его помощью стал одним из красивых и современных городов. Превратился в европейский город с набережными и мостами, зданиями со всей городской атрибутикой. Первым секретарём был Протозанов – человек-мотор с колоссальной работоспособностью и с любовью к своей области. Принимал Ефима Павловича и не отходил от него, понимая его возможности и значение.

Рассказывая о городах, Ефим Павлович выхватывая фрагменты долгой жизни, восклицал: *«Как мне хочется сейчас в Шевченко, я этот город второй родиной считаю. Там пустыня была, колючка росла, и верблюды ходили, а в земле уран. Но руда относительно бедная – по урану я имею в виду. Мне говорят – разработка нерентабельна. А я же горняк, кое-что понимаю. Кроме*

урана там полно других элементов, редкоземельных, значит, будем комплексно разрабатывать месторождение, доказываю».

Шевченко утопает в зелени. Это история особая – в ракушечнике сверлят ямки засыпают привезенной из далека землей, после чего сажают деревья и цветы.

Весь это адский труд ради двухметрового рудного пласта, которому нет цены.

Вообще о Шевченко можно говорить бесконечно много. Ведь на скалистом практически необитаемом берегу вырос европейский город со всей атрибутикой. Но самое главное это решение по воде. Имея электроэнергию (БН-350) там впервые выполнено опреснение морской воды в таком объёме, что дало возможность проживанию людей, развитию промышленности, и самое невероятное – это озеленение города и даже выращивание овощей. Новый аэропорт, порт до сих пор дают возможность городу развиваться.

Я не мог перечислить все города построенные Средмашем СССР. Для этого нужна целая книга. Но города учёных не могу

не упомянуть: Обнинск, Дубна, Серпухов, Пахра, Академгородок в Новосибирске. Не имея учёных степеней, Е.П. Славский с глубоким почтением относился к науке, понимая, что это двигатель прогресса. Города им построенные и сегодня украшают Сибирь и Европу.

Я до встречи в Шевченко с Е.П. Славским встречался два раза. На строительстве барокамер он приехал с министром здравоохранения Б.В. Петровским. Они вместе служили у Буденного. Я начальник участка. Он осмотрел котлован, начало монтажа и сказал: *«Начало есть, конец будет»*. Мы закончили и сдали барокамеры через 1.5 года. Была встреча мимолётная на объектах академиков Басова и Прохорова. Ночью звонок, я начальник СМУ, звонит Н.А. Усанов, они только прилетели из города Шевченко: *«Утром ждѹ в министерстве»*. В 12-00 я был у Е.П. Славского, он посмотрел на меня очень выразительно, дескать, молодой, но Усанову задал один вопрос: *«Веришь?»* Посмотрел на меня еще раз внимательно и дал своё согласие. Компенсационная стройка ударопрочного полистирола была запущена в срок. Был в ЦК партии вместе с директором, у него отказал язык, я докладывал. Рассказал, попросил, но услышал: *«Здесь не просят здесь наказывают»*. Впервые услышал о себе высокое мнение министра. Через 5 лет я в Министерстве. Вызов к Ефим Павловичу: *«Будешь начальником ХОЗУ, а дальнейшая твоя судьба мною спланирована. Вопросы будут, можешь приходить ко мне до 9 утра, как А.Зверев, Н. Карпов»*. Это высшая степень доверия. А дальше пошла работа.

При Ефиме Павловиче в стране было создано то, что так долго позволяло считать её работников самыми благополучными людьми в бывшем СССР: социальная сфера – гордость Средмаша и предмет зависти соотечественников. Санатории и дома отдыха, школы, детские сады, больницы, профилактории, пионерские лагеря, дворцы культуры, магазины, образцово-показательные совхозы, стадионы и комфортабельное жильѹ - всё это возводилось при непосредственном и живом участии легендарного Министра.

Особое внимание обращал Славский на создание и развитие специализированных санаториев, в первую очередь для про-

фбольных, а также детских санаториев. При нём были открыты санатории для детей «Солнечный» и пионерские лагеря им. Олега Кошевого в Евпатории, им. Ю. Гагарина на Урале.

Ефим Павлович не только утверждал планы развития курортных учреждений, но и следил, как идёт строительство, встречался с проектантами, лично проводил оперативки. Он старался сделать санатории и дома отдыха максимально удобными, и часто отвергал типовые проекты. Здравницы, построенные при Славском, относились к повышенной категории. Они превосходили все профсоюзные и уступали только санаториям и домам отдыха 4 ГУ и ЦК партии. О том, насколько качественно были построены наши санатории и дома отдыха можно судить по фактам: санаторий «Таврия» и «Прикарпатье» удостоены дипломов первой степени Госстроя УССР, «50 лет Октября» - диплома Госстроя РСФСР и дом отдых «Мерерана» - Госстроя Эстонской ССР.

По настоянию Славского строились дома отдыха и санатории с одноместными и двухместными номерами по принципу «всё под одной крышей». Бегать по курорту нашим отдыхающим не приходилось. Спальный корпус, лечебный, столовая, развлекательный комплекс в едином блоке. Казалось бы мелочь, но истинная забота о людях именно в мелочах. Одновременно со здравницами на курортах возводились жилые дома для сотрудников, детские сады, строились дороги, прокладывались коммуникации.

На счёт Ефима Павловича можно записать и целый город. Его стараниями небольшой Сибирский посёлок Белокуриха превратился в благоустроенный курорт федерального значения, которому в 1982 году присвоили статус города. Целебные радоновые источники Алтайского предгорья были известны с 1866 года, но признание получили только при Славском. *«Мы построили здесь русское Цхалтубо»*, – говорил он. Город рос стремительно. При Ефим Павловиче было построено корпусов на пять тысяч мест. Старожилы вспоминают, как однажды Славский вместе с секретарём ВЦСПС Шалаевым заглянул во вновь построенный корпус, к ним подошла женщина доярка, которой

здесь вылечили больные руки и начала благодарить Шалаева. «Не меня благодари, а его», – указал он на Славского. «Спасибо тебе, отец!» – и низко поклонилась ему женщина.

Вспоминается случай, когда после посещения Новосибирска, на пути в Усть-Каменогорск на субботу и воскресенье заехали в Белокуриху. Главный врач подробно рассказал Славскому какой контингент отдыхает, и что основой лечения является радоновые ванны. Прослушав, Ефим Павлович говорит ему: *«Ну, вот что доктор, времени у меня в обрез, в Белокурихе буду 2 дня, а курс я должен пройти у тебя как все отдыхающие за 24. Ты уж постарайся организовать мне такой курс лечения»*. По настоянию Министра свой профилакторий имело каждое предприятие, где приходилось трудиться во вредных условиях труда.

При Ефиме Павловиче по его инициативе и непосредственном кураторстве для атомщиков была создана целая курортная страна – 32 санатория и дома отдыха на 12,5 тысяч мест, в которых отдыхали ежегодно 250-270 тысяч человек, 49 профилакториев на 6,5 тысяч мест, около 200 пионерских лагерей. Здоровье людей было приоритетом не на словах, а на деле. Одно перечисление их: санаторий «XXII съезда КПСС» (Пятигорск), «Голубая даль», «Таврия», «50 лет Октября» (жемчужина Кавказа), «Прикарпатье», «Алтай», «Бештау», «Джинал». А сколько вложено в санатории, переданные с Третьего главного управления при Минздраве СССР – «Ершово», «Колонтаево», «Чепца», «Дальняя дача», «Сосновка», «Судак», «Зелёный мыс».

Но пиком курортного строительства и поддержкой нашей идеи монолита со стороны Е.П. Славского и А.В. Рожкова считался корпус в санатории «Голубые дали» выполненный полностью в монолите. Этот корпус был удостоен премии Госстроя СССР и серебряной медали ВДНХ СССР.

Но самой главной задачей Министерства было промышленное строительство и наука: атомные станции, заводы, химические комбинаты, заводы по переработке ископаемых, предприятия по добыче, уникальные лаборатории, научные институты с углублённой и развитой инфраструктурой, научной техникой, объекты военной тематики и многое другое.

Всё это было возможно при создании в Министерстве чёткой структуры управления: зам. министра по строительству, четыре ГУ – два строительных, монтажное и проектно-изыскательское. Эти управления охватывали Европу, Азию, и Сибирь, имея управления строительства в регионах, высококвалифицированную работу, управленческий аппарат и промышленные предприятия по выпуску строительных материалов и изделий. Министерство имело свои мощности по цементу, кирпичу, отделочным материалам. Монтажники высочайшей квалификации с возможностью решения вопросов от монтажа и прокладки коммуникаций, до работ по наладке и пуску современной техники, со своими научными базами и заводами по изготовлению оборудования. 9 ГУ – проектно

изыскательские работы разнообразного уровня с высококвалифицированными сотрудниками и учёными.

Сегодня некоторые высказывания в адрес Е.П. Славского, что якобы он в науке и для науки мало что сделал. Ефим Павлович всегда поддерживал науку, не только финансированием, но и строительством институтов, научных баз, лабораторий. И недаром он говорил: *«Сейчас в моём Министерстве своя Академия наук: академиков 24, докторов 670, кандидатов 4500 человек»*. Кроме того Министерство имело свои техникумы, кафедры в институтах.

В жизни случаются самые неожиданные повороты. Город Лермонтов. Добыча урановой руды прекращается, с закрытием рудника и его консервации что-то надо делать. Е.П. Славский задумал там построить большой комбинат по производству минеральных удобрений для всего края. Были проведены проектные изыскания, и выполнено ТЭО. На заседании присутствует М.С. Горбачёв – первый секретарь. Его предварительно не предупредили об этом решении. Он выступил против. Ефим Павлович практически хлопнул дверью и уехал. Ленинград – Зайков – первый секретарь Ленинградского обкома партии, встретив Славского, не проявил интереса к АЭС, но одновременно просил построить животноводческий комплекс и послал на оперативку второго секретаря. Ефим Павлович не стал рассматривать этот вопрос.

Первым секретарем ЦК КППС становится М.С. Горбачёв. И пошло всё наперекосяк.

Главный перестройщик превратился из-за авантюрного подхода к власти в голого короля. Да надо было много менять в нашей жизни, но не рубить дом до основания и начинать с нуля. Я всю предыдущую работу Министром пережил несколько генсеков – и ни один не додумался сделать правительственную связь односторонней. Ну, это всё! Не выдержал Михаил испытание властью. Я ошибся в нем в первые годы его работы секретарем ЦК. Надо его срочно менять, иначе доживем до большой беды в нашем Отечестве.

1986 год. Ефиму Павловичу идет восемьдесят восьмой год. Авария на Чернобыльской атомной станции. Горбачев передал эксплуатацию ее Минэнерго СССР. От нас отправили А.Г. Мешкова. Нас не привлекали. Ефим Павлович высказался: «Я, к сожалению, не знал и никто в Министерстве не знал, что на станции велись преступные эксперименты, которые неизбежно должны были привести к взрыву. Я прямо называю, и никогда не стесняюсь говорить, что взрыв этот рукотворный. Конструкция этого реактора надежная, это лучший в мире реактор. Я ручаюсь за это, и готов башку свою подставить рубите, если кто-нибудь докажет, что есть реакторы лучше».

Вы знаете, сколько гибнет человек в год от автомобильных аварий? Пятнадцать тысяч! И никто не ставит вопрос, что надо запретить ездить на автомобилях. Академики наши из института Курчатова нарекомендовали там чёрти знает чего! Они боялись, что топливо сплавится и образует раскалённую каплю, которая уйдёт вглубь земли, в почвенные воды. Затеяли подводить плиту под реактор. Абсурд совершеннейший! Мне надо было ставить крест на их дурацкие решения, но я не стал вмешиваться – чёрт с вами копайте. Сколько сил ушло, людей облучили. Если бы был в это время Курчатов с его волей и авторитетом.... Анатолий Петрович Александров директор нашего Курчатковского института человек очень честный, но он очень слабый в волевом отношении.

Весь период от начала до закрытия реактора на ЧАЭС Е.П. Славский ездил в Чернобыль буквально каждую неделю.

Первое его распоряжение, а он уже пережил такого вида аварию в 1957 году, было указание о создании службы дозиметрического контроля и медицинской службы. Огромное количество людей, выселенных из зоны г. Припяти, уже разнесли радиацию по свету. Медицинский контроль с первых шагов стал основной вехой в работе войска, а их одновременно было несколько тысяч человек. «Требу́й от командиров частей противоэпидемиологических и санаторно-гигиенических мероприятий – это должно

быть для них боевой задачей. Сохранение здоровья людей любой ценой и это должно стать законом для всех независимо от звания и должности. Представляешь, какой шум и злорадство будет, если мы при ликвидации аварии получим ещё вспышку эпидемии». Так Ефим Павлович напутствовал командира Ю.М. Савинова и подполковника медицинской службы А.А. Мартынова.

Своей уверенностью в решении всех вопросов он поддерживал А.Н. Усанова – председателя комиссии, каждую смену благодарил за проделанную работу и давал установку на работу заменяющей смене. На реакторе в трудные дни он давал понять, что всё будет хорошо. Лучшие кадры ИТР, строителей и монтажников прошли через это горнило на грани смерти и победили. 30 ноября 1986 года был подписан Акт приемки «Укрытия» Государственной комиссией.

Сейчас сделано там всё надежно, «Укрытие» это (название «Саркофаг» – я не люблю, когда так говорят) – надёжное и тысячу лет простоят. Если нужно, я готов прямо сейчас стать зрителем этого события. Каким образом? Буду ездить туда, сколько нужно, а, если понадобится, поселюсь там, в Чернобыле до самого конца моей жизни.

В ноябре восемьдесят шестого я прилетел в Чернобыль. Все сделано хорошо, как надо. Хожу в наморднике, вдруг мне передают: «Премьер наш Н.И. Рыжков сказал, что бы завтра у был него. Звоню его помощнику, спрашиваю, что за срочность? Я только сегодня прилетел, завтра собираюсь ещё здесь пробыть, только вечером в Москву вылечу. Помощник говорит, что не знает, не в курсе. Ну, доложу, понимаешь, премьеру. А его, нет, он на Политбюро. В полночь даже два милиционера пришли известить меня, что опять из Москвы звонили. Я думаю – какая-то дурь, чего я должен всё бросать? В общем, в Москву я прилетел через день, только в воскресенье. Прихожу к Рыжкову, у него сидел Маслюков, который нашими оборонными делами руководил. Рыжков спрашивает – «Как вы обстановку оцениваете?». Понимаешь он меня на «Вы», а его на «ты», потому что я на Урале

в войну был заместителем наркома, а он в ту пору ещё пацаном сопливым бегал. Ну, я рассказываю: «Всё хорошо, надёжно сделано, люди уже позируют возле «Укрытия», фотографируются». Беседуем. Я чувствую, он меня не затем позвал. Ему видишь, генеральный поручил переговорить со мной, что бы я в отставку подавал. Слава Богу, мне уже восемьдесят восемь. А он не знает, как ко мне подойти, всё-таки я величина и в государстве, и партии. «Слушай, – говорю. – Ты не волнуйся, я всё понимаю. Мне не две жизни жить и не две службы служить. Я чувствую себя хорошо, только вот слух сильно сел. Но раз надо, значит надо». Рыжков обрадовался, пошел меня провожать.

На другой день, в понедельник занимаюсь делами. Мне звонит управляющий делами Совмина: «Поручено забрать ваше заявление». Следующий день снова звонок. Я рассердился. Написал чего-то там, стал, мол, по возрасту глуховат, прошу, мол, в отставку. Теперь вот отдыхаю.

Как обычно синим карандашом, что вызвало переполох в секретариате правительства. Он переписал заявление, но подписался синим карандашом, как это делал почти 30 лет.

Жена вот только умерла, дорогая моя, Евгения Андреевна, шесть лет назад. Семидесяти двух лет отроду. У неё был рак поджелудочной железы, а способов диагностики надёжных тогда не было. А пока мы купили компьютер этот, пока установили в больнице нашей. Мне врачи говорят – мы вам, Ефим Павлович, должны честно сказать, что Евгении Андреевне осталось двадцать дней жизни. Две дочери у меня, четверо внучат. Первым был сын, мы его потеряли бессмысленно, сейчас бы ему под шестьдесят было, даже больше. Дочери – кандидаты наук обе, зятья хорошие – один директор крупного института авиационной промышленности, другой – ихтиолог, заместитель начальника. Внука со мной живёт, ей двадцать пять лет, а она уже три года в Малайзии отбыла, английским владеет, французским. Внук закончил восьмой класс, пошёл в техникум – сейчас, говорит выгоднее в рабочей бригаде быть, чем инженером, понимаете. Такие време-

на пошли. Все деда слушают, иногда и побаиваются, потому что он ещё кулак сильный имеет. Так что всё хорошо у меня.

Но главное моё счастье – Мир, которые сейчас гарантирован – я в него столько сил вложил, сколько другому человеку на десять жизней не хватит. Или на сто. Понятно? У нас же ни черта не было, ни урана, ничего. А сегодня у меня на складах – на тысячу лет хватит. А вы спрашиваете – счастливый я человек или нет. С точки зрения, как говорится жизни, я полностью удовлетворен своей жизнью, и рад, что мне довелось до такого возраста дожить. Сколько проживу ещё, кто его знает. Можно и так быстро окочуриться. Но я честно тебе скажу – я абсолютно бесстрашен, хоть сегодня помереть. Я не боюсь, я отжил своё. Что мне ещё надо? Я честно прожил то, что мне отпущено было. Честно. Понятно?

И дай Бог сегодняшнему молодому поколению сохранить ту жажду жизни и преданность труду, которая была так присуща моим товарищам.

Последние годы Е.П. Славский прожил в доме отдыха Опалиха, где у него была своя комната. Летом при нем были внуки и внучки.

Мы часто навещали его. К нему приезжали руководители подразделений и комбинатов, в разговорах скрашивая его пребывание.

Умер Ефим Павлович. Славский 28 ноября 1991 года.

Прощание с прахом Е.П. Славского проходило в Москворецком доме культуры (это дом культуры нашего предприятия). С утра многотысячная людская толпа подтянулась почтить память великого руководителя. Ближе к 10-00 появилась охрана президента Горбачёва, но, простояв около двух часов, исчезла. Видимо не хватило времени у Михаила Сергеевича почтить память руководителя, который так много сделал для процветания Родины.

В сердцах труженников отрасли и народа сохранился образ Ефима Павловича Славского как человека из народа, гражданина, патриота, который честно и самоотверженно служил Отечеству всю свою долгую и насыщенную жизнь, величайшего организатора атомной промышленности. Его легендарная жизнь всегда будет примером беззаветного служения Родине.

Что было достигнуто, в период работы Е.П. Славского на должности министра. Был выращен огромный научный потенциал: 24 академика, 670 – докторов наук, 4500 – кандидатов наук. Работы по физике высоких энергий, термоядерному синтезу, сверхсильным магнитным полям, сверхпроводимости – шагнули далеко от уровня международных разработок. Организовано самое дешёвое производство циркония. В отрасли самая эффективная технология разделения изотопов с энергопотреблением в 20 раз ниже, чем в США. Средмаш выпускает чистые окислы молибдена, вольфрама, ванадия. Построены заводы по производству серной, азотной и плавиковой кислот, элементарного фтора, производят тантал, ниобий, цирконий, графит, литий, бериллий. Организована добыча золота методом сорбции и регенерации из пульпы хвостов гравитацией – самое чистое золото в мире. Министерство производит фосфатные удобрения на уровне мировых стандартов. Атом – от бомбы до атомных электростанций, атомных подвод-

ных лодок, ледоколов. Десятки городов и посёлков с полным обслуживанием населения. Санатории, дома отдыха, профилактории для реабилитации и отдыха работников отрасли и их семей до 10 тысяч мест одновременного пребывания. Спортивные сооружения среди них реконструкция стадиона Динамо, игровой спорткомплекс на улице Лавочкина, стрельбище в Мытищах к олимпийским играм и масса спортивных сооружений в городах страны и Союза. Огромный строительный комплекс захватывающий всю Европу, Среднюю Азию, Сибирь который строил промышленные объекты для Минсредмаша, химикам, Тяжмашу, Минобороны и другим отраслям. Свои проектные организации. Строительная индустрия производит всю продукцию строительного комплекса. Мы делаем каждый 15 кирпич России, но наш в 2 раза дешевле.

Высококвалифицированный монтажный комплекс позволяющий вводить объекты от атомных станции, химзаводов до молочных комбинатов. Монолитное домостроение с элементами и технологиями выше западных. Создание огромных ёмкостей на больших глубинах, куда можно закачивать, захоранивать любые отходы. Встряхивание горных пород глубинными взрывами малой активности, которые снимают напряжение и выводят газ губительный при разработке шахт. Реанимация нефтяных скважин, восстанавливая их рентабельность. Блокирование выбросов газов. Получение сверх чистого кварца, производство волокон лазерных излучателей, фотоприёмников волоконно-оптической связи. Литье и формовка чугуна по уникальной технологии Касли. Производство многих видов медицинской аппаратуры. А сельское хозяйство по своей рентабельности лучшее в Союзе. И ещё много того, что я не смог перечислить.

А теперь коротко история Ефима Павловича Славского в фотографиях.

Справа второй

Слева стоит крайний

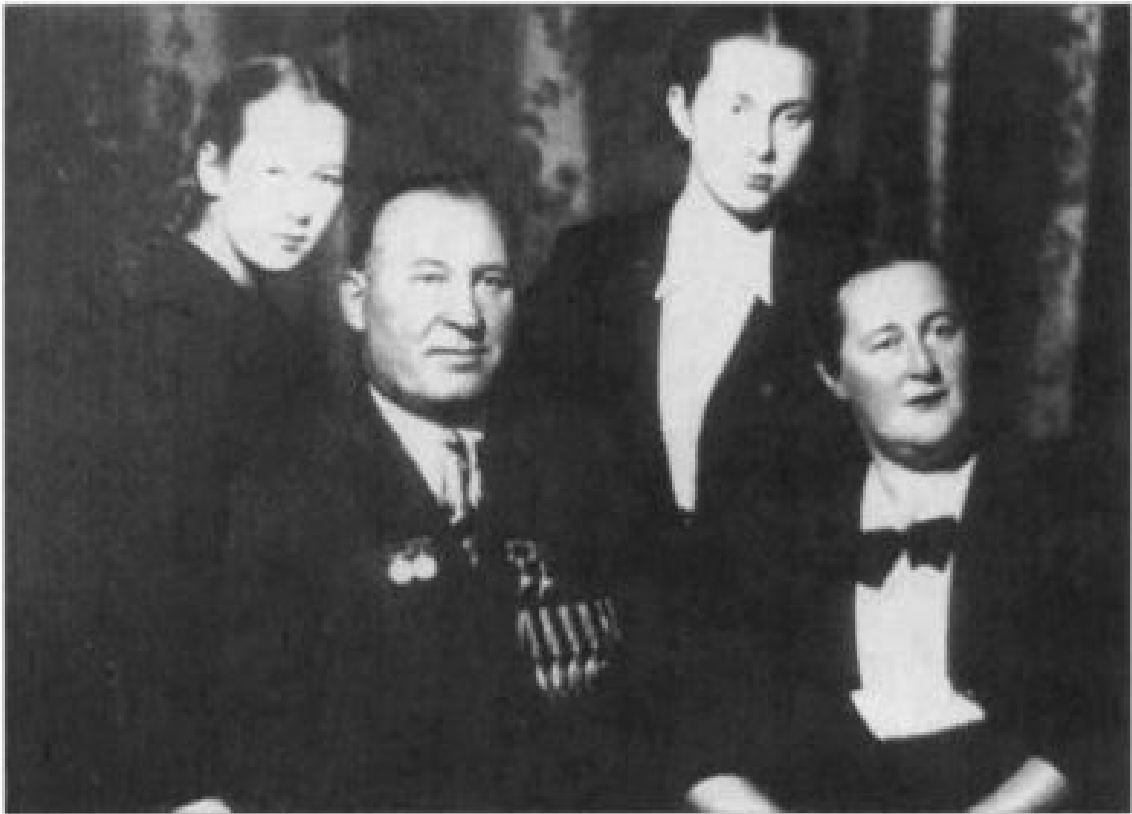

Сидит справа третий

Стоит четвертый

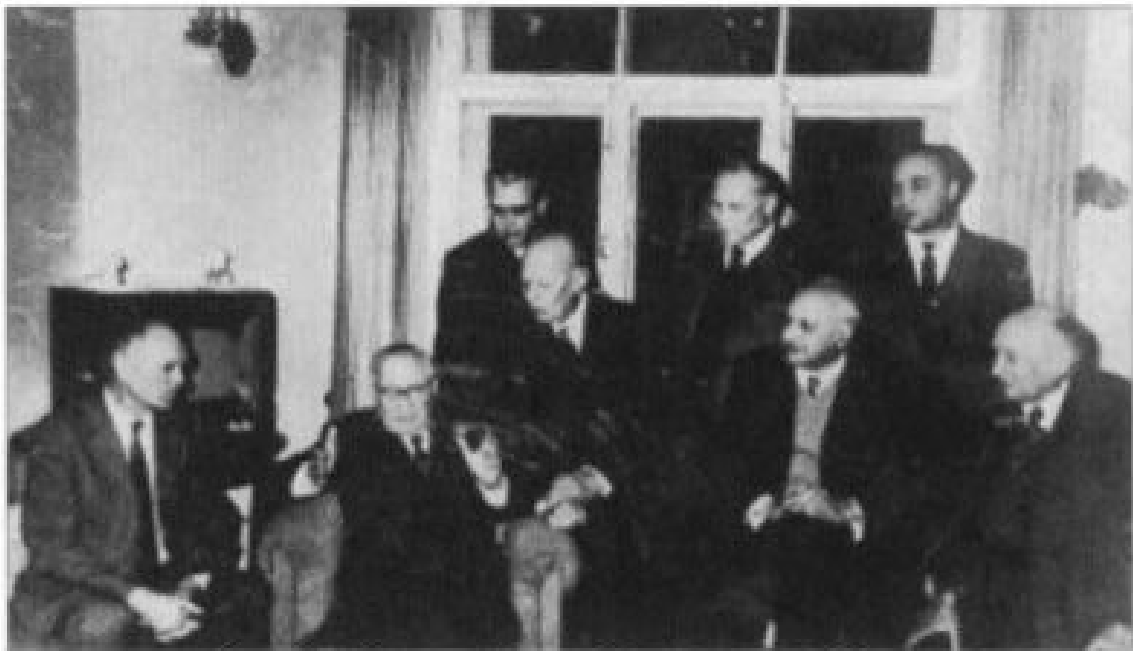

Бюро VII класса КДК с. НАУГОСКОЕ О.Л.
септ 1976 г.

Узбекистан

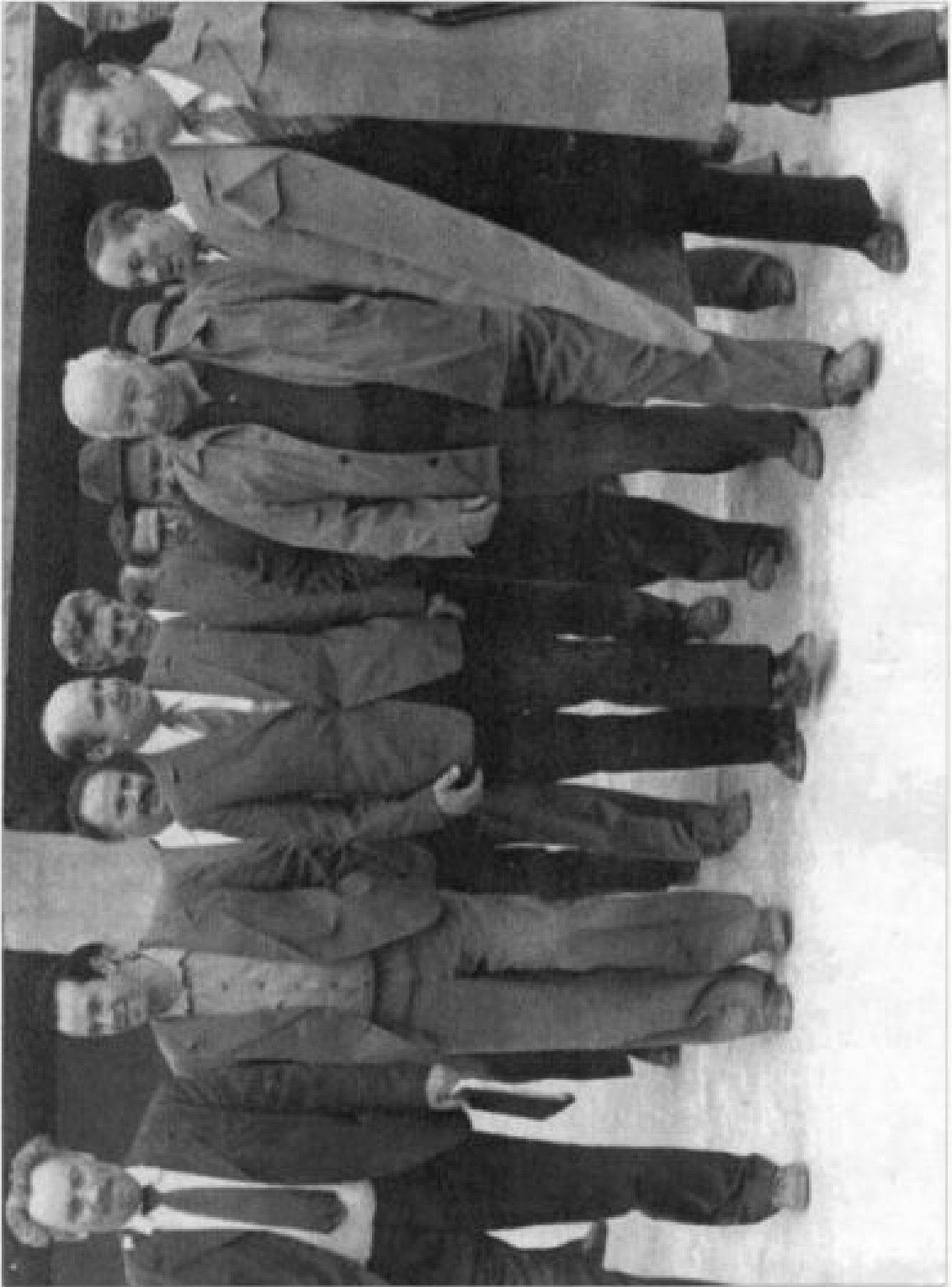

Госкомиссия по приемке блока №3 Белоярской АЭС, 1980 г.
В первом ряду: В.М. Малышев, Е.П. Славский, Б.Н. Ельцин,
П.С. Непорожный, А.П. Доронин

И.Н Бортников (слева) принимает высокую награду из рук
министра Среднего машиностроения Е.П. Славского

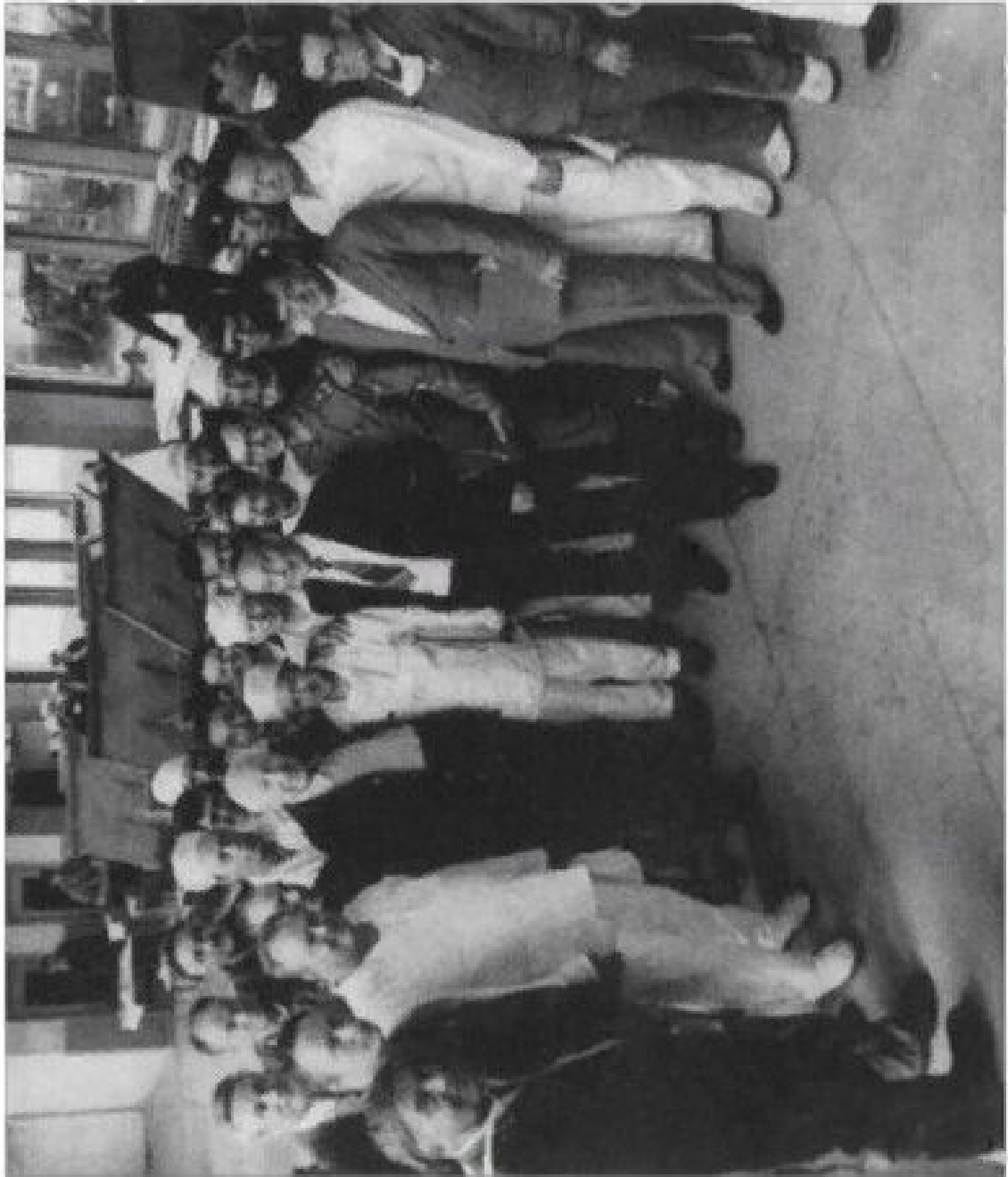

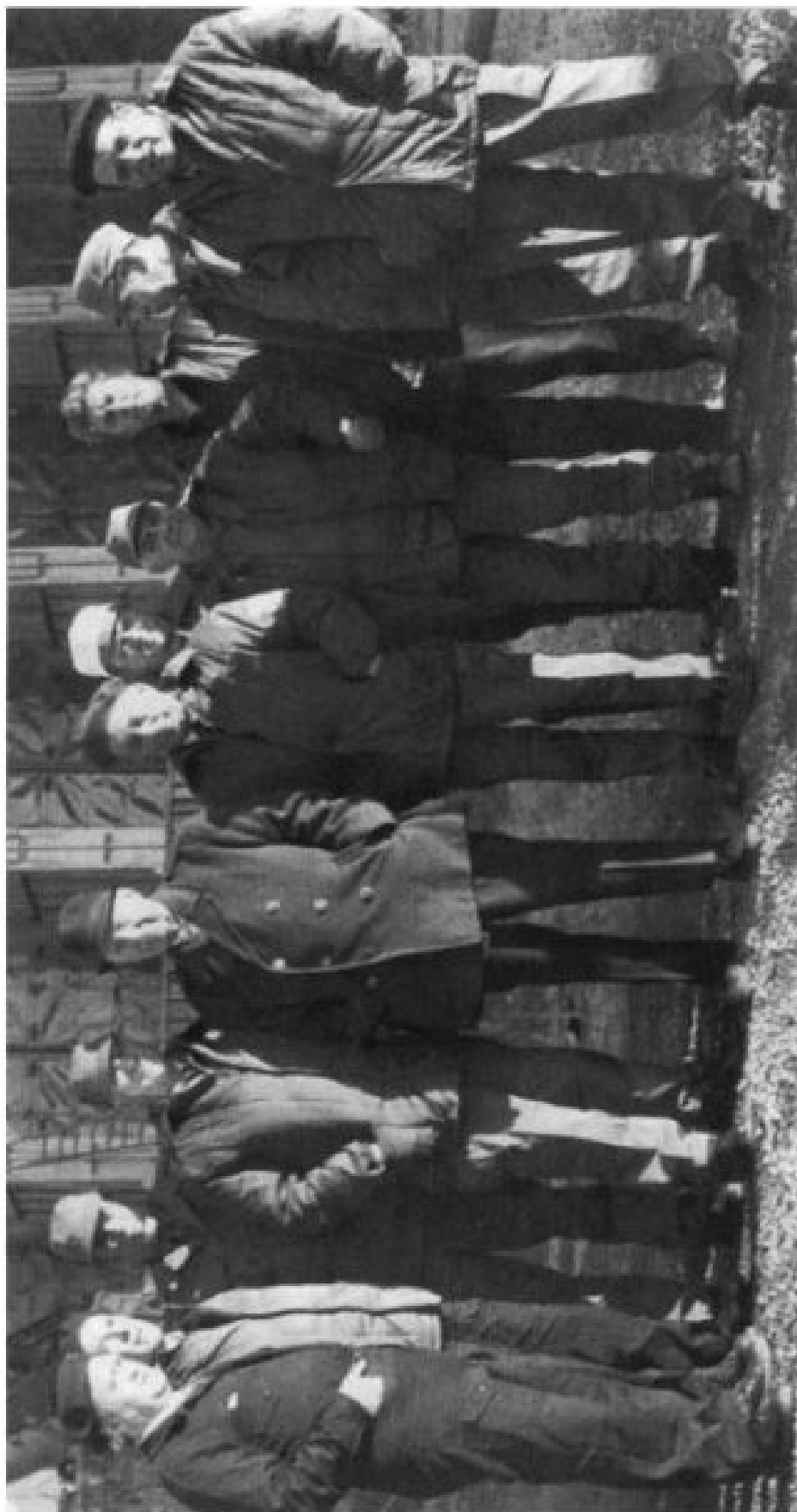

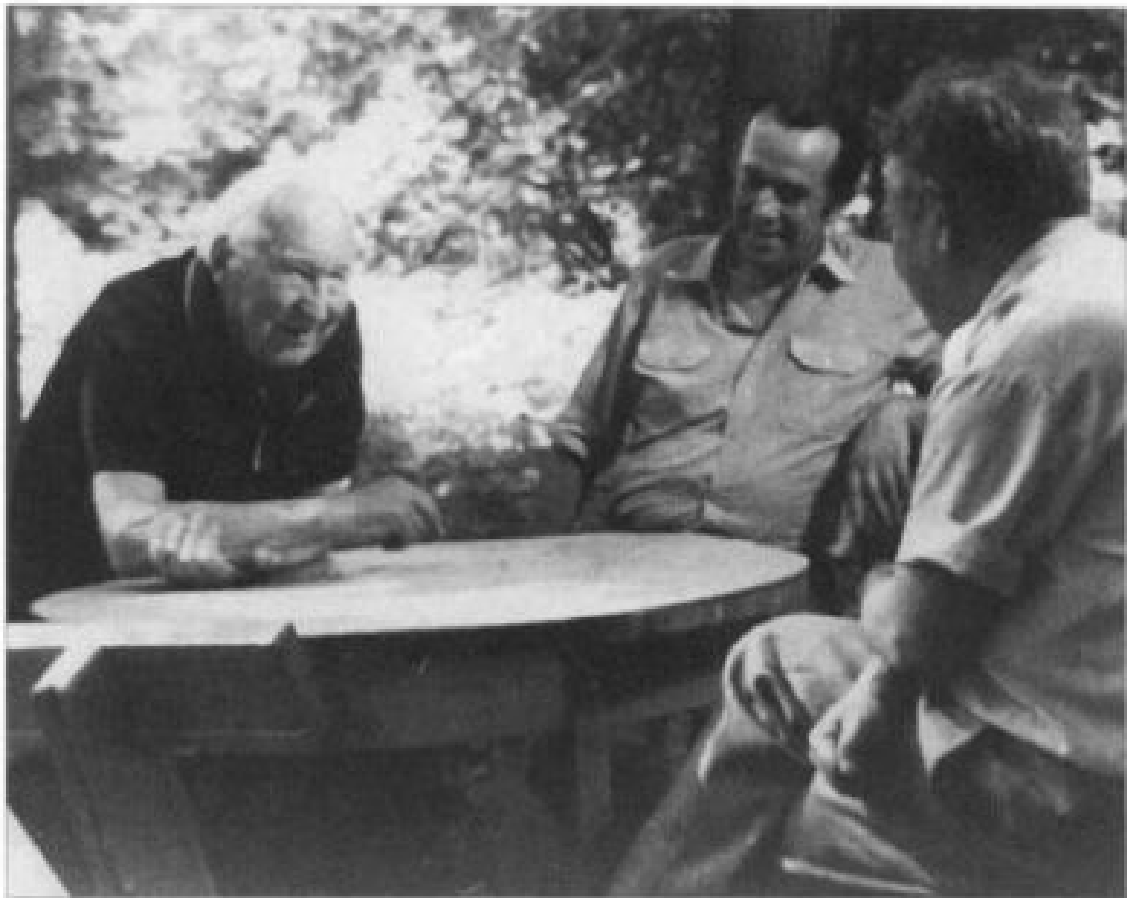

XIV МЕМОРИАЛ 2009

Е. П. СЛАВВСКОГО

Идея этого повествования – хотя бы кратко познакомить читателя или напомнить ему о человеке века прошлого. Коротко в предыдущем повествовании (прямой речи) рассказано о становлении и работе людей, которые вложили свои силы в страну и вывели её на позиции первых в мировом рейтинге государств. Да можно и надо критиковать первых руководителей страны за тоталитарность, людские потери, за великих людей, которые вынуждены бросить родину и уехать за рубеж. Но нельзя хаять всё без разбора, под одну гребёнку, дескать все эти годы только истребляли, эксплуатировали, жировали и ничего прогрессивного не делали. Идея революции, построения социализма в одной стране с коммунистическими идеями была запредельная и несбыточная, но народ верил, что мы идём вперёд, как тогда говорили вперёд к победе коммунизма. Были огромные ошибки, а отсюда и огромные потери, но нельзя всё только списывать на них, как это делается в настоящее время. Страна за семьдесят лет превратилась в высокоиндустриальную передовую по всем международным параметрам, пережив великий стресс и победив в отечественной войне 1941-1945 годов. Индустрия, наука, обучение, медицина, сельское хозяйство, а самое главное чувство гордости за страну, моральный дух народа, вера в будущее, пусть даже не близкое, но реальное всё это сплачивало людей, делая страну единой. Во главе всего этого стояли люди, которые верили в это и отдавали все силы, для движения страны вперёд.

Ефим Павлович Славский был одним из них, донельзя простым человеком, вышедших из низов, доступным и одновременно решительным. Он обладал огромной интуицией, чувством, которое редко подводило его в решении вопросов. А самое главное он хорошо разбирался в людях, окружая себя руководителями, которые всё отдавали работе, не думая о зарплате, бонусах и благах.

Одним из главных забот министра были люди учёные, рабочие – они выступали на первый план его забот. И сейчас многие корифеи нашей науки, ушедшие от нас в небытие, и действующие с глубоким уважением отзывались и отзываюся о нём. Он понимал, что без них нет движения вперёд, не будет развиваться страна, и поддерживал их, создавая благоприятную обстановку строительством современных городов, социальным обустройством в них, на уровне столицы. И они

с лихвой отдавали свои знания, опыт, потрясая мир новыми открытиями, уникальными объектами, индустриальными комплексами.

Ефим Павлович Славский министр Средмаша строил не только объекты, связанные с атомом, он в каждом уголке нашей страны отметил строительством объектов: химии, энергетики, машиностроения, добычи и переработки золота, горнодобывающей промышленности, оборонных объектов, сельского хозяйства, городов. Трудом отрасли и сегодня живёт и пользуется страна и страны, отделившиеся от бывшего СССР. При нём строительство в нашей стране шагнуло на уровень передовых стран, имея в своём арсенале индустрию, материалы и механизмы и самое главное квалифицированные кадры строителей, монтажников, проектировщиков, учёных, которые шли вперёд по внедрению строительных технологий. Практически не было таких задач, которые бы не мог решить Минсредмаш. И самое главное забота о кадрах. Имея свои учебные заведения, кафедры в институтах, филиалы учебных заведений, поддерживая их, имея хорошую, грамотную основу. И чтобы всё это работало без сбоев, была забота министра о здоровье людей – медицина важная тема в работе министра. Сегодня всё, что было сделано, практически распродано за дорма, создав миллионеров и миллиардеров за так, нашими горе руководителями, которые под видом того, что якобы вытаскивали страну из кризиса, просто подарили народные достояния страны за так, своим людям, наверное, не без отдачи. Я не могу сказать, обо всех и всё, но наверно это произошло в большинстве случаев. Сегодня мы стараемся зачеркнуть всё, что было сделано нашими матерями и отцами, и всё это сделал один человек М.С. Горбачёв, который ещё вешает по телевизору, по воле которого страна скатилась на 140 место в мире и уже 20 лет не может оправиться и встать на ноги. Но это другая тема. История наверно разберётся с этими людьми.

А мы подводя итоги об этом великом человеке Ефиме Павловиче Славском, которого будем помнить и рассказывать молодёжи, что были и наверное есть в России люди, в которых нуждается наша великая страна, которые могут и поднимут отечество, которое не кончилось и воспрянет, но мы видимо не дотянем до этого.

Справочное издание

И. Беляев

**ЕФИМ ПАВЛОВИЧ СЛАВСКИЙ.
Легендарный министр
Среднего машиностроения СССР**

Подписано в печать 08.04.2013. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 500 экз.
Заказ № 3034

Издательство по Атомной технике (ИздАТ)
123182, Москва, ул. Живописная, д. 46, тел. 8-499-190-96-03

Отпечатано в соответствии с качеством представленных оригиналов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Г-49, Шубинский пер. 6

ISBN 978-5-6666-204-0

